

Продается негр-лакей

Отдам в хорошие руки негра преклонных годов. Осанист, расторопен, зубы белые, все на месте. Рост 6 локтей. Говорит и понимает ски, обучен учету посуды и з. Управляется с лошадьми. Цена - 4500 руб.

Окский съезд, 3/2, кв. 9. Мар

Девка за недорого

Срочно продается девка 19 годов, здоровая. Рост 2 аршина 2,5 вершк

С ней впридачу платье подвенечное, фата, туфли. Цена 25 руб

Обр.: ул. М

Лютого Жаворнка.

АТОМНЫЙ

ГОРОД

Юрий Гаврюченков

Распродажа карликов!!!

По случаю переезда предлагаем веселое имущество в количестве трех голов отборных домашних друзей. Карлики общительные, декоративные, приучены к сортиру.

Проходят регулярное мед-

обследование, здоровы.

Хорошо владеют языками.

Рост: 1 м - 1м 20 см.

Цена: 1500 рублей за шт.

Обращаться по адресу: В.М.

Якиманская слобода, дворец

Жеребцовых-Лошадиных,

спросить Питбуля.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ!

Сбежал упырь казематного

содержания. Особые приметы:

рост 2 аршина 5 вершков, неклеямен,

ПЛОТНИЦКАЯ БРИГАДА ПО ДОСТУПНОЙ ЦЕНЕ!

Продается сработавшаяся бригада плотников из Твери в составе 4 мужиков. Рубка и сборка срубов, стропила, кровельные работы, полы, окна, двери.

Цена за всех: 20 000 рублей. Торг уместен. Обращаться: Великий Муром, ул. Эксплуатационная, д. 76 (будка), менеджер по персоналу раб Митрошка.

Мужики по отдельности не продаются.

Губернаторский учебный комбинат при Научно-исследовательском институте холопства и организации труда объявляет о выпуске курсов рабкрина и рабкора. Инспекторов и корреспондентов можно приобрести по государственной стоимости 1500 р. Обращаться в хозчасть ГНИИХОТ

Что читать

Новинки:

Дарий Донцов. Сказки барда Быдла. - ц. 35 коп.

Возвращение мёртвых живецов. - ц. 58 коп.

Розалинда Чубарова. Оковы счастья. - ц. 23 коп.

Насущные энциклопедии:

**РАБОТОРГОВЦЫ
ЧЕРНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ**

Презренны кроткие, ибо наследуют угнетение

«КРЫЛОВ»

Атомный город

Юрий Гаврюченков

**Работоторговцы.
Черный пролетарий**

«Крылов»

2015

УДК 84Р1-44
ББК 821.161.1

Гаврюченков Ю. Ф.

Работорговцы. Черный пролетарий / Ю. Ф. Гаврюченков —
«Крылов», 2015 — (Атомный город)

ISBN 978-5-4226-0265-0

Креативный класс пал под ударами новой опричнины. Оставив позади пылающую Москву, караван работорговцев спустился в Низовые земли, чтобы навести порядок на Руси. Много ещё городов требует заботы, внимания и оздоровительной зачистки. С порядком при неофеодализме 2334-го года возникают проблемы. Мир благополучия работоргового рая готов рухнуть. Кто может подавить гордыню непокорных и несогласных? Как при Иване Грозном, Новгород снова встал на пути Москвы. Одержимые не пройдут! Приказ светлейшего князя Святой Руси будет выполнен любой ценой.. Книга рекомендована для чтения лицам старше 16 лет.

УДК 84Р1-44
ББК 821.161.1

ISBN 978-5-4226-0265-0

© Гаврюченков Ю. Ф., 2015
© Крылов, 2015

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	15
Глава третья,	21
Глава четвёртая,	33
Глава пятая,	39
Глава шестая,	43
Глава седьмая,	47
Глава восьмая,	54
Глава девятая,	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Юрий Гаврюченков

Работоторговцы. Черный пролетарий

В то время как для других развитие революции было равносильно укреплению демократии, для Ленина ближайшая перспектива вела прямоком в Петропавловскую крепость.

Лев Троцкий. «История Русской Революции»

Глава первая, в которой работоторговый караван движется по маршруту, лицезрит буйство боевых хомячков Нахального и вступает в пределы Владимира

– Отступать некуда, – командир Щавель выпрямился в седле. – Позади Москва. Соваться туда, – он набрал в грудь воздуха, – можно только по большой нужде. Наше дело правое. Наводим порядок и ловим рабов. Приказ светлейшего князя, – он пристальным взглядом скользнул по строю конных ратников, – для нас свят. Исполним долг!

– Слава России! – гаркнули семьдесят княжеских дружинников.

Было утро. Раболовецкий караван выстроился в походную колонну у ворот постоянного двора возле Хрястова. Позади – семь дней и двести с лишним вёрст от Дмитрова. Щавель уводил своё войско по Большому кольцу, оставляя бурлящий котёл войны далеко в стороне. Москва горела. Едва ударный отряд новгородского ОМОН поразил Орден Ленина, на его территорию напали соседи, стремясь урвать кусок побольше, и между ними началась грызня. Дорога была полна беженцев. Они рассказывали ужасные истории о бесчинствах мутантов, мародёров, карателей, сталкеров, манагеров и их приспешников. Добрые люди проявили себя так, будто услышали зов Ктулху, и простым людям не осталось среди них места. Спасая себя и близких, они ринулись прочь из города, бросив нажитое непосильным трудом и унося самое ценное. Москву снова прорвало. Так случалось после Большого Пиндеца, случалось и до него, и по воле рока будет случаться впредь. Сегодня караван выходил на загаженный бесприютными странниками Муромский тракт и многих ратников от вида обездоленных москвичей с души воротило.

Из Внутримкадья хлынули эмигранты и потекли в неприветливое и таинственное Замкадье. Они тащили стариков, женщин и детей. Тащили друзей. Тащили остро необходимых для улучшения эффективности тайм-менеджеров. Тащили поучающих за хорошую кормёжку коучей, а также начальство и бухгалтерию. Телеги, ручные тачки и просто беженцы с узлами на спине запрудили тракт. Шли на восток, в хлебные области Великой Руси, надеясь приткнуться в Муроме и просто из привычки жить в большом городе. Беженцы несли серебро и золото. Расплачивались наличкой. Меняли вещи на еду пока что немногие. Это было вопросом времени, как продажа детей в рабство. Проклятие Жёлудя, что Россия богатствами Москвы прирастать будет, начинало сбываться. Росла дорожная проституция: за кусок хлеба, за миску каши, за ночлег. Москвичам никто не отказывал в унижении, но и поощрениями не баловал.

От Москвы до Великого Мурома через Владимир триста пятьдесят вёрст. Недели две-три пешком вполне посильно летом, даже если негде приткнуться. Это давало надежду. Люди шли и, что характерно, доходили – от голода, подхваченных в пути болезней и просто от большой нужды. Их раздутые трупы смердели на полях вдоль дороги.

Возле деревень, откуда не гоняли, вырастали ночлежища. Становился неподалёку от источника воды один москвич, к нему пристраивался другой со своими домашними. Глядишь, подтянулась целая семья, а то и весь рабочий коллектив. Вместе не так боязно темноты, чудовищ и местных. К ночи у околицы уже собирался табор. Костры, шум, гам, детишки бегают, бабы стряпают, в кустах петуха пользуют, бренчит гитара, порочная спутница барда. Вспыхивает и враз утихает драка, зачинщика бьют по-офисному, всей толпой, девки визжат, – веселье! Старики уму-разуму научают молодёжь: как воровать, как убивать сподручнее, по каким признакам выявлять лидера, куда раскидывать рамсы с быдлом. Крепнет связь поколений. Происходит уникальный обмен опытом. В столпотворении, содоме и гоморре лагеря беженцев сходятся горожане, которые в Москве не встретились бы ни в жисть. Их знания в совокупности порождают в буйных головах деструктивный коктейль. Странствия здорово учат, особенно молодых.

В Великий Муром они нагрянут подготовленными.

* * *

Жёлудь ехал во главе колонны: то позади отца, то выдвигаясь вперёд в боевое охранение.

После возвращения из цитадели Ордена Ленина ратники то и дело стали звать парня в свой круг – чифирнуть, поговорить. Дружинники, не участвовавшие в спецоперации, поглядывали на молодого лучника с почтением, должно быть, наслушались от товарищей. Жёлудя признали своим.

Дневки были нередки, ибо погоды стояли ненастные. Ледяной дождь загонял караван под крышу. Там в часы вынужденного отдыха проявил себя купленный Щавелем грамотный раб. За миску козырного хрючева, а иногда просто так, он травил забористые истории. Обозники привыкли ещё по засидке в Дмитрове собираться возле него погреть уши. Теперь подтянулись дружинники. Раб оказался сказочником, и аудитория его всё росла. Глядя на его успехи, Филипп возревновал и как мог чаще услаждал слух ратников пением. Однако в отряде нашлось немало поклонников художественной прозы. Бард терял популярность. Сознывая непродуктивность открытого противостояния, Филипп намерился выяснить секрет его успеха и стал подкатывать к рабу с разговорами о литературе.

Накануне вечером Щавель застал их на конюшне в загоне для рабов. За денником была отгородка с прикрученными к стене кольцами, оттуда доносились возня, гомон, смех. Тускло светила жировая плоть, рабы играли в камень-ножницы-бумагу. Живой товар скрашивал будни в ожидании, когда его доставят на торг и разберут по хозяевам. Неслышно ступая, Щавель остановился возле загона и замер неприметным. Когда было нужно, старый лучник мог подкрасться к кому угодно. Учёный раб, пристёгнутый в конце цепи, примостился на охапке сена возле мочевого стока, через который навозная жижа утекала из конюшни. Напротив на корточках сидел бард Филипп, потчевал невольника нажористыми остатками ужина и выяснял секреты ремесла.

– Гомер Борхес утверждал, – наставительно пробубнил раб, выбирая из плошки корм жадными крючковатыми пальцами, стараясь не оглядываться на остальных невольников. Он торопливо засовывал еду в рот, спуская гущу по бороде. – В литературе существуют четыре основных сюжета.

– Гомер Симпсон, – поправил Филипп.

– Борхес.

– Симпсон!

– Гомер, – примирительно отступил на золотую середину невольник. – Так вот, гомеровские истории. Он учил, что историй всего четыре. То есть что бы мы ни рассказывали, мы излагаем одну из них или две-три в связке. Самая старая история – об осаждённой крепости.

Её штурмуют и для пущей драмы врываются внутрь, а потом защитники могут отбить врага, но могут и погибнуть. Я утверждаю, что этот сюжет связан с завоеванием женщины. Там тоже есть осада, сопротивление, особенно, когда парень к девушке клеится. Потом она либо даёт, либо нет.

– Оно так, – кивнул Филипп. – Дело основное, потому и сюжет самый древний.

– Другая история о поиске. Герой что-то ищет и долго не может найти. Обычно из-за этого он отправляется в путешествие. С ним случаются разные приключения, он видит экзотические страны и знакомится с интересными людьми. Как думаешь, почему она вторая самая старая?

– Поисковый инстинкт?

– Бинго! – воскликнул раб, должно быть, призывая в свидетели некоего бога, чтобы похвалиться перед ним сметливостью своего ученика.

– Третий гомеровский сюжет, связанный со вторым, есть история о возвращении домой. Герой возвращается из дальних странствий и застаёт свой дом в осаде или разграбленным. Или это описание путешествия, приправленное тоской по дому, которого герой может и не достичь.

Сказав это, раб надолго замолчал.

– А четвёртый? – алчно спросил Филипп. – Ты говорил, есть четыре сюжета.

Раб продолжал молчать.

– Ах да, – спохватился бард, вытащил из-за пазухи свёрток, развернул тряпицу, поднёс к самому носу раба кусок сала.

Учёный невольник принял подношение обеими руками, обнюхал сало, покосился на отвлёкшегося от игры соседа, подмигнул. Мужик неотрывно смотрел на еду, сглотнул, неохотно кивнул. Грамотей замотал тряпицу, убрал жирный кус до поры до времени.

– Классических сюжетов четыре, как ножек у стола, – продолжил он, когда сделка состоялась. – Четвёртый – о гибели бога. Есть бог, бессмертный и могущественный, но не всемогущий и не всеведущий, типа Ленина, Гэндальфа, Христа. По каким-то причинам, например, из-за козней врагов или самопожертвования, он гибнет. Но он бог и будет жить вечно, поэтому обязательно воскреснет, получив за подвиг всенародное признание, лэвэл ап или ещё какой бонус, а то и всё вместе.

– Возрождающийся бог, как вынырнувший из пучины басурманской реки Чапаев!

– Возможна история героя, который становится богом, – согласился раб. – Когда он умирает, он ещё не ведает о своём бессмертии и ведёт себя как человек, то есть боится и терзается. Зато, воскреснув, осознаёт, что вечен, и может впасть в беспредел. Эта история любима быдлом, ибо вселяет иллюзию надежды на улучшение жизни в будущем, на светлые перспективы, ради которых они сейчас влачат жалкое существование и готовы прозябать вечно.

– Шведы поклоняются Одину, Тору и другим покровителям, но они не боги. Они смертны и погибли в Рагнарёк, когда из морской пучины вынырнет проснувшийся Ктулху и захавает их всех. Но вот Иисус будет жить вечно, потому что он бог. И Ленин будет жить, и кое-кто из поражённых радиацией менеджеров.

– Прошаренных и динамичных, типа Бандуриной.

– Слышал о ней. Похоже, её ничем не истребить, – кивнул раб. – Бандурину смогли погрузить в сон, как Ктулху, но потом её кто-то разбудил, как когда-то разбудили Герцена. И теперь в Москве настал Рагнарёк местного значения.

Бард набрал в грудь воздуха, то ли собираясь покаяться, то ли похвастаться своей причастностью к пробуждению Дазпрапермы Бандуриной, но тут Щавель выступил из темноты и вошёл в загон к рабам, прервав сеанс разоблачения.

– Ступай, – прогнал он барда.

Не успевший ляпнуть лишку, Филипп захлопнул пасть и умёлся. Рабы притихли. Расселись вдоль стены, опустили глаза. Щавель стоял недвижно, рассматривал грамотея, как дико-

винное насекомое, а тот на всякий случай тоже потупился. Обозники рассказывали о командире жуткие вещи.

Заслышав тишину, из пустого денника выскочил дежурный раболов.

– Отопри этого, – кинул Щавель.

Обозник достал ключи, открыл замочек на конце цепи, продёрнутой через кольцо в ошейнике учёного раба.

– Иди за мной, – приказал Щавель.

За воротами конюшни сгустились сиреневые сумерки. На крыльце постоянного двора кучковались ратники, багровели огоньки самокруток, доносился ржач.

– Вы с Филиппом о чём сейчас говорили? – слушая спор высокоучёных людей, Щавель только головой качал, признавая их обширную и столь же бесполезную мудрость.

– Консультировал его по основам литературного мастерства, – бесхитростно и с развязной эльфийской небрежностью выдал раб. – Филипп интересовался базовыми сюжетами, я выдал ему борхесовскую четвёрку гомеровской классики. На ней основные сюжеты не исчерпываются, но начинающему автору хватит пищи для размышлений. Хорошо, если продвинется дальше, а то многие на первом шаге и застревают, принимая шутку Борхеса за аксиому и следуя этим четырём сюжетам всю оставшуюся жизнь.

– Ты откуда такой умный?

– Из Курска, господин, – учтиво ответил раб.

– Ты какой-то не очень курский. У тебя, что, греки были в роду?

– Дед по материнской линии.

– Откуда ты родом?

– Из Донецка.

Щавель понял, что его обманули. «Курские не бегают!» – решительное заявление Карпа заставило купить грамотного раба с юга, по определению склонного к побегу. Опытный работорговец нагрел его, как юнца.

– Почему ты сказал, что из Курска? – с ледяным смирением поинтересовался командир.

– Я там долго жил и работал. Меня там продали, – пожал плечами невольник.

– Что умеешь делать? Счёт знаешь? Хозяйство можешь вести?

– Хозяйство вести не приходилось. Я знаю четыре арифметических действия, но счетовод из меня никакой.

– Чем же ты занимался в Курске?

– Литературой. Писал книги о приключениях и интригах для развлечения публики. Людям нравилось. Мой бренд был прославлен у оптовиков, но потом издатель умер и дело встало. Наследники продали весь наш творческий коллектив в караван, направляющийся в Рыбинск, но по дороге меня перекупил Карп.

Щавель ощутил острое разочарование.

– Ты животное, скотина, бездельник. Годен только книжки писать, – процедил он.

– Я хорошо пишу, господин, – литературный раб поклонился и испросил, согнувшись: – Ты направляешься в культурную столицу всея Руси. Дозволь мне проявить способности. В Курске большой популярностью пользовался мой сериал «Бард-бастард», который прервался в связи со смертью владельца. Я начал новую книгу. Предполагался сборник занимательных историй, которые я рассказываю тут по ходу. Рукописи остались в Курске, но я многое помню и сумею восстановить. Дай мне бумагу, я быстро закончу книгу, и в Великом Муроме ты сумеешь её продать. Там есть издательства и мой бренд хорошо знают.

– Твой что?

– Зарегистрированное торговое имя, которое издатель ставит на книгах. Вот, господин, – не разгибаясь, литературный раб выудил из-за пазухи свёрнутую грамотку, перевязанную тесь-

мой, протянул Щавелю. – За мной осталось право на него, которое я должен был передать в Рыбинске новому владельцу, но теперь оно твоё.

Щавель распустил тесьму, всмотрелся в текст, но, различив заумь законодательного крючкотворства, не стал портить глаза в темноте.

– Как зовут тебя?

– Дарий Донцов.

– Ты получишь бумагу. Смотри, не подведи. Обманешь, получишь плетей, – Щавель вернул юридический документ рабу, отвёл его на конюшню и бросил дежурному:

– Можно запирать.

* * *

В километре от Хрястова миновали прибившийся к старому колодцу ветошный городок: вонюща, кострища, крытые рогожей шалаши, сменившие не одного постояльца. Как вши на голове жирной бабы, копошились манагеры, добрый люд и прочая срань Господня. Несло оттуда воню протухшего на теле тряпья и чем-то невыразимым, невыносимо гадким, что можно встретить лишь в самой Москве, как будто беженцы захватили с собой частичку родины и эта частица легко приживалась на новом месте, укоренялась и расплзалась.

Щавель отвернулся от ночлежища и не поворачивал нос, пока не миновали запомоенное место. Ехавший с ним стремя к стремени Карп растянул губы в высокомерной ухмылке. Начальник каравана побаивался командира и тем паче радовался случаю подметить за ним слабость. Однако Щавель оклемался, страх взял своё, знатный работоторговец согнал усмешку и постарался компенсировать иллюзию временного превосходства мнимым подобострастием.

– Знатно ты Москву разнёс, – мотнул он башкой в сторону разлетевшихся по Руси осколков гнилого анклава. – Малой силой, могучим ударом.

– Кто-то должен, – обронил старый лучник. – Они совсем перестали края видеть. Давно пора было навести порядок, вот и навели. Князь – лук, а мы стрелы. Разим в цель, если есть на то воля светлейшего. Лучше было послать меня, чем гнать войско на Москву, неся потери в живой силе и финансовых средствах.

– Как ты узнал, что Лелюд к Статору побежит доносить о нападении, а не сольёт своему непосредственному начальнику Мотвилу?

– А где я Лелюда поймал? – Щавель покачивался на своей смирной кобыле, негодной для боевых действий, зато хорошей для долгого пути. На Карпа, громоздившегося в седле вороного тяжеловоза, командир тем не менее взирал свысока, а работоторговец склонил голову и почти-точно внимал. – Возле территории Статора. Он за мной в «Балчуг-Немчиновку» пришёл хабар украсть, который у нас якобы имелся. О том знал только Сан Иналыч, Филипп ему наплёл по моей указке. Остальное мне рассказал Тибурун. Лелюд – сталкер, то есть из переродившихся манагеров и, как манагер, склонен к двурушничеству и крысятничеству. Он ведь у Сан Иналыча в кабаке сидел, на территории врага, а не для Ордена Ленина детей по сёлам воровал. Тибурун давно его подозревал в стукачестве, но доказать не мог. Лелюд об этом прознал и замутил интригу. Там у них в партии гнездо змеиное, жрут друг друга поедом. Вот под давлением Мотвила, Тибуруна и засадили в клетку. Да, он не соврал, стервец, про двурушничество. Лелюд о наших планах не только от своих утаил, а постарался заслать гонцов и Статору, и манагерам для слаженного нападения.

– А он эффективный, – буркнул Карп.

– Манагер же! – подтвердил Щавель.

Впереди слышались крики, и Щавель приподнялся на стремях, вглядываясь в направлении головного дозора. У моста через Колокшу рощицу по обеим сторонам дороги оскверняли ночлежища. Колодца у Хрястова на всех не хватило и многие беженцы, ото-

гнанные более динамичными земляками, прошли на полверсты дальше и встали возле речки. Справа, где деревья росли неохотно, обездоленные разбили бивак на дюжину шалашей, теперь почему-то пустой и порушенный. Зато слева раскинулся настоящий город обездоленных, имеющий упорядоченный вид. Дерюжные хибарки и самые настоящие брезентовые палатки образовывали линию улиц, сходявшихся к вытоптанной площадке возле могучей берёзы, под которой высился на бревенчатом каркасе, устеленном жердями, крытыми провощённой холстиной, самый настоящий дом. Назвать его хижинкой язык не поворачивался. Козырное пристанище было обложено понизу камнями и дёрном. Из крыши торчала жестяная труба. Кто-то выстроил дом среди пристанища бездомных и явно не собирался трогаться с места, должно быть, извлекая из своего положения немалую выгоду. Сама же площадь сейчас пустовала, а толпа собралась на отшибе у реки. Там высилась вековая осина, а на суку болталось тело. Из осины торчала стрела, пущенная поверх голов. Перед толпой на жеребце метался Жёлудь, размахивая луком.

По приказу Литвина три верховые десятки мигом оцепили толпу. Ещё три спешили, нырнули в рошу и к реке, чтобы выгнать быдло с неположенной ему воли обратно в стадо. Когда общественный порядок был восстановлен, Щавель, сопровождаемый Лузгой и десяткой ратников, подъехал к лобному месту. Дружинники расчистили командиру путь.

– Докладывай, – бросил Щавель, проезжая мимо сына.

Жёлудь тронул поводья, двинулся стремя в стремя. Возле осины валялось бездыханное тело. Ещё один, связанный по рукам и ногам, извивался рядом и глядел на верховых безумным взглядом, изо рта его торчала тряпка.

– Вижу, вешают кого-то, – сбивчиво изложил молодой лучник. – Гражданским так нельзя. Подъехал, стрелу пустил, остановил.

– Зачинщика обнаружили? Кто распорядился?

– Неточно, но... – парень понизил голос. – Были некоторые поактивней, – он наклонился к отцу, указал на фигуру в толпе. – Вон тот, в светлом. А вот эти трое в зелёном вроде как помогали ему и стояли ближе всех к дереву, должно быть, вешали.

Топ-менеджера в светлом Щавель и сам выхватил взглядом из стада беженцев. Уж слишком он был приметен на фоне зачуханного стада. Рослый и осанистый, с наетым прямоугольным рылом и короткими волосами, сохранившими следы мастерства московского стилиста, он по менеджерскому обычаю бороды и усов не носил. Топ-менеджер был одет в пиджак и брюки, малость замаранные сажей и помятые, в бежевую сорочку с расстёгнутым воротом и бордовые офисные туфли, сильно разбитые пешим ходом. Он стоял под осинкой, к которой беженцы старались не приближаться, и ждал, нервно кусая губы. Щавель подъехал к нему почти вплотную и спросил, глядя сверху-вниз:

– Ты здесь распоряжаешься?

Секунду на лице топ-менеджера честолюбие боролось со страхом. Кивнуть – значит выдать себя головой, принародно отречься от власти... Топ-менеджер умел продумывать ситуацию на три шага вперёд и такого позора не допускал. Иначе бы не стал топ-менеджером. Как дальше править, если всё обойдётся? Сразу отыщутся желающие занять козырное место, топ-менеджер даже знал, кто именно. Малодушные было недопустимо, и офисный лев раскрыл пасть.

– Я здесь мэр.

Спешившиеся ратники из десятки Фомы привели с реки беженцев, загнали за конное оцепление и окружили лобное место с палачами, казнёнными и командиром Щавелем.

– Ты людей вешаешь, – сказал Щавель с ледяным безразличием. – Кто дал тебе право вершить суд и карать смертью?

Менеджер сглотнул, но быстро нашёлся.

– По праву главы нового поселения, – он гордо вскинул подбородок и посмотрел Щавелю в лицо.

– Только если это поселение основано на новых землях по велению светлейшего князя, – продолжил искушённый в знании законов Щавель, – а ты разбил палаточный городок в пятнадцати верстах от Владимира.

– У нас самоорганизованное поселение, – набычился топ-менеджер. – Я поддерживаю порядок всеми доступными средствами. Этим поймал за убийством, у них кровь на руках.

– Карать смертью, самопровозглашённый глава самоорганизованного пристанища людей без определённого места жительства, ты не можешь, – стылый взгляд старого лучника не сулил ничего хорошего. – Ты должен был отправить убийц во Владимир, на чьей земле они совершили злодеяние, но ты предпочёл умертвить их здесь, дабы запугать население и укрепить авторитет.

– Я поддерживаю порядок, – упрямо повторил топ-менеджер.

– Как зовут тебя?

– Любослав Нахальный.

– Я боярин Щавель из Тихвина, – голос командира пронёсся над присмирившей толпой. – Порядок на Руси волей светлейшего князя Лучезавра навожу я.

Дружинники поставили на ноги уцелевшего душегуба, вынули кляп.

– Убивал? – спросил Щавель.

– Не я, я рядом, – мужик пал на колени, но не удержался на связанных ногах и рухнул под копыта лошади. – Пощади, боярин, не сам я!..

– Лжёшь, – равнодушно бросил Щавель, не питавший доверия к москвичам, и не ошибся, потому что убийца зарыдал во весь голос.

Ратники вернули душегуба в вертикальное положение. Он выл и сучил ногами.

– За что ты лишил жизни человека?

Мужика приморозило. Он стих, на лице появился разум.

– Сапоги украл. У меня сапоги. Без сапогов как же... Все ноги стоптал. Они новые были... почти...

– Это воровство, а за него не убивают. Почему вора не отвели к представителю власти?

– Крыса он... – пробормотал мужик и забубнил под нос. – Крыс топтать надо. Вот мы и затоптали, крысу-то...

Кляп вернули на место.

– Был самосуд, – молвил командир. – И у тебя самосуд, – обратился он к Нахальному. – Ты не мэр здесь, ты никто. Обычный беженец. По какому праву ты сделался старшим? Тебя народ выбрал?

– Хоть бы и народ! – вскинул голову топ-менеджер. – Я за честные выборы.

– Никто его не выбирал, – донеслось из толпы. – Как вылез с самого начала, так и сидит у кормушки, аспид. Дворец построил. Жирует на халыве. Хочешь встать – плати налог, баб к себе на ночь таскает.

– За просто так, главное! – взорвался возмущённый женский вопль.

Загомонила толпа.

– Сидит как вошь!

– Отстроился.

– С печкой...

– Ворует, гнида.

– Его бы самого в петлю...

«Москвичам только волю дай, с добром съедят, – прикинул Щавель, пока дружинники охаживали древками копий разбушевавшийся контингент. – Такой они талантливый и энергичный народ. У них там жри собака собаку, а последняя удавись. Века динамичного карьерного роста и рыночной конкуренции не прошли даром. Завернуть бы их обратно в кольцо Мкада, да времени нет, приказ светлейшего надо выполнять».

– Вот он – глас народа, – улыбка едва тронула губы командира и утонула в усах, но топ-менеджер всё понял, и лицо его дрогнуло.

– Не имеете права, – выпалил он. – Вы знаете, кто я такой? Не советую со мной связываться. Меня должен судить московский городской суд!

– Пограничный идол Гаранта и Супергаранта остался далеко позади, – известил Щавель. – Ты бежал с Москвы на Русь. Здесь ты начал творить произвол. Ради чувства собственной важности покусился на жизнь своих земляков. Если бы ты хотел оставаться в праве, передал бы злодеев служителям закона. Но амбиции не позволили тебе поступить по закону. Ты решил выдвинуться ещё дальше и из простого активиста сделался убийцей. Но убийц вешают. Пришла пора надеть пенковый галстук, поганный менеджер.

Вторяк и Третьяк скрутили Нахального, пока дружинники опускали повешенного и освобождали верёвку. Топ-менеджер извивался как вьюн, но братья повисли у него на плечах, заломили руки и подтащили к осине.

– Бар-раны, чего вы смотрите! – бесновался Нахальный, но москвичи только ухмылялись, глядя на его потуги. – Бараны, ваш рот наоборот, чего встали? Спасайте меня! Это ваши права нарушают. Мы всё по правде делали! Спасайте вашего вождя!

Не сразу, но призывы его возымели действие. Нахальный ещё рыл ногами землю, когда его подручный в пятнистой зелёной одежде отважился на спасение повелителя. Он был невысокий, пузатый, с незамутнёнными глазами, толстыми щеками и усиками щёткой. Мужичок напрыгнул на плечи Третьяка, чтобы оттащить его от шефа, но поздно – на шее Нахального уже затянулась петля.

Третьяк стряхнул мужичка, которого тут же рванул за камуфляж ринувшийся на подмогу Первуша. Боевой хомячок упал навзничь, и его тут же стали охаживать по рёбрам литые носы омоновских берцев. Пешие ратники из внешнего оцепления вклинились в толпу, рассекая её на части, дабы она не стала действовать как единый организм, но москвичи и не думали вступаться за Нахального. Даже подельники боевого хомячка попятнулись, втиснулись спинами в передний ряд и постарались слиться с местностью. Борзый мэр никому не был нужен.

Топ-менеджеру связали за спиной руки сыромятным ремешком. Пятеро дружинников взялись за верёвку.

Любослав перестал звать на помощь. Выпятил грудь, гневно обратился к соотечественникам:

– Твари тупые! Не хотите – не надо. Вы сами выбрали свой путь. Пусть ваших детей удвоенный ВВП в живот целует, пассивный вы электорат!

Командир поднял руку, топ-менеджер смолк, сознавая своё место в сложившейся иерархии и инстинктивно подчиняясь субординации. Смолкла и толпа. Затаив дыхание, москвичи ждали шоу.

– На ваших глазах свершилось двойное убийство. По предварительномуговору, группой лиц. Наказаны будут все виновные, но с самым главным активистом мы решим на месте. Вина его очевидна, и суд состоялся. Властью, данной мне светлейшим князем Святой Руси, приговариваю организатора и зачинщика преступного самоуправства Любослава Нахального к смертной казни через повешенье.

Щавель кивнул.

– Тяни! – приказал Фома, и преступник заболтался на верёвке.

Он хрипел, прыгая в петле, пуская изо рта пену. Вытарашенными зенками озирает высоты тех, кого привык попирать, а они глядели на него снизу и пересмеивались. Закусив выпущенный на волю язык, Нахальный в последний раз подавал нижайшим оскорбительный знак, пусть и против своей воли. Зрелище повешенного вождя возбудило собравшихся, чумазые лица обездоленных просветлели. Нищebroды загомонили, толкая друг друга локтями и подначивая. Толпа забурилась. К осине выскочила взлохмаченная беженка с овечьими кудрями

и глазами обалдевшей совы. Вскинула тонкую ручку, указала кривым пальцем на пляшущего в петле менеджера и завопила:

– Я Бомжена! Снимайте!

На её призыв не откликнулся никто. Охочие до зрелищ москвичи глазели на сучащего ногами Нахального, который перестал дёргаться и обмочился. Бомжена неистовствовала, крутилась юлой, подметала ошмётками юбки пыль, топала ножкой и голосила несусветное, однако к омовцам приближаться остерегалась. Наконец, Нахальный издал продолжительный трубный звук и со штанин у него посыпалось.

– Сколь изобильный выход энергии низа, – заметил Щавель.

– Это душа из него вышла, – заявил Лузга.

– Тогда дело сделано.

Дружинники связали подручных опального топ-менеджера и вместе с владельцем сапог повели к каравану. Оцепление сняли, беженцы потянулись по своим шалашам и лачугам. Даже Бомжена перестала буйствовать, а стащила туфли с холодеющих ног Любослава Нахального. Брезгливо обтёрла о траву, завернула в подол и понесла в свою палатку. Обувь хоть и пользованная, но изначально дорогая. Практичной женщине пригодится.

Карп наблюдал за драматическим представлением из-за оцепления. Со своего вороного тяжеловоза ему было прекрасно видно.

– Воздал беспредельщику той же мерою? – прогудел он, тронув коня и двинувшись рядом со Щавелем.

– Кто-то должен, – сказал Щавель. – Вот и начались проблемы с беженцами. Они пока жили дома, друг дружку грызли, а как оказались в условиях постоянно растущих вызовов, так поедом стали есть. Тут же объявился самый динамичный, который возглавил процесс на месте. А ведь он ещё организацией движения не занялся, войско голодранцев не собрал, но это обязательно будет. Найдётся другой, не менее эффективный.

– Ненадолго. Они всегда сначала уверенно идут к успеху, а потом поют горестную песню: «Анус, порвали анус! Каюсь, каюсь, каюсь...» – Лузга скабрезно оскалил траченный кариесом частокол, напоминающий о взятой при поддержке артиллерии крепости.

– Такова участь менеджера – борзеть и потом раскаиваться, – обронил Щавель. – Их надо убивать, пока они в силу не вошли.

– Всех не перебьёшь, – Карп скептически выпятил губы, но тут же мнительно покосился на командира, будто начал раскаиваться в сказанном.

– Перебьёшь, – смиренно ответил Щавель. – Зло конечно. Эффективных менеджеров на самом деле мало, просто зла от них много, поэтому они заметнее нормальных людей. Если уродов уничтожать, они закончатся, а те, кто мог бы стать крысами, испугаются и не станут. Поэтому не проходи мимо живого выродка и не упускай возможности сделать его мёртвым.

– Тут менеджеры, на Северо-Западе эльфы, всюду своя напасть, – примирительно рассудил Карп.

– Эльфы смирные, – сказал Щавель. – Сидят на дачных участках и не рыпаются. Детишек грамоте учат.

– Басурмане тоже учат, – припомнил работорговец странствующего преподавателя Вагиза Фатыховича. – Людей портят. Баба учёна – пол не метён, да и мужикам лишнее образование только мешает думать. На кой хлеборобу тригонометрия? Или, того хуже, философия. От неё мыслям тесно и в жилах соки начинают бродить, с того крыша едет, крестьяне бунтуют и рабы бегают. Всё дурь эльфийская! Забивают людям голову ненужным хламом. Я б эту заразу под корень изводил при каждом удобном случае.

– Будет приказ светлейшего – изведём, – сухо ответил Щавель. – Будет указ о насаждении на Руси школ и университетов – насадим. А пока едем в Великий Муром ловить рабов.

Карп перекрыл словесный фонтан, но не до конца. Отъехав в обоз, что-то ещё бурчал, попусту дёргал за узду вороного, ругался на раболовов, отдавал ненужные команды по конвоированию. Четверых захваченных из бомжовища арестантов быстро обрядили в лёгкие колодки с замочками и пустили гуськом за последней телегой. Скованные одной цепью, они были связаны одной целью – дойти до Владимирского централа и там принять заслуженное наказание.

Бездомному отребью следовало согнуть выю под железное ярмо закона. В таком настроении Щавель въехал во Владимир.

Глава вторая, в которой дует ветер северный и творится зла немерено

– Не все доживут до зимы, – молвил Щавель, когда караван подошёл к окраине града Владимира.

В то время как дружина огибала Москву по Большому кольцу, беженцы шли напрямик и успели преобразовать местность перед городом на свой лад.

У самого города, возле развилки проспекта Ленина и улицы Лайкина ратники миновали остатки ночлежища, некогда значительного, а ныне разорённого. Среди руин стоял пяток наспех возведённых шалашей, но уже брошенных. Чернели пепелища, однако сырое дерево горело плохо, и постройки пришлось разваливать грубой силой, коли не взял их очистительный огонь. Могильных холмиков не заметили, равно как непогребённых тел. Не валялся и разбросанный хлам. Обитатели ушли если и не по своей воле, то, во всяком случае, без спешки.

«Потом пришли с Москвы новые, но тоже не задержались, – отметил Щавель. – Здесь больше не задерживался никто».

Проспект Ленина переходил в Большую Московскую улицу. Чтобы добраться до Владимирского централа, надо было пересечь весь город. Знаменитое узилище располагалось на выезде. За ним простиралось огромное кладбище имени древнего князя Владимира. Там хоронили честных горожан, отдельно менеджеров и их приспешников, а отдельно – зверски замученную в казематах узилища шваль и педерсию земли русской. Щавель повёл караван напрямик туда, рассчитывая устроиться в казармах городской стражи, исправно поддерживаемых для приёма новгородского войска при следовании на восток.

Командир не мог не признать, что в чём-то повешенный Нахальный был прав. В Низовых землях волю светлейшего князя можно было вершить только боевым топором, а никак не чернильным пером. И хотя Москва территориально оставалась в кольце Мкада, своё присутствие демонстрировала тут повсюду.

Пока доехали до старого кирпичного здания городской управы, в которой размещалась администрация, суд, муниципальные службы, а за управой – тюрьма и казармы, насмотрелись на оппозиционные рожи вдоволь. Сиволапых с выражением тупой покорности на рыле и не было почти. Зато во множестве встречались обыватели с гордыми, одухотворёнными лицами, в которые от рождения вьелось выражение оскорблённого самолюбия, саркастического презрения, праведного негодования, а то и вовсе весёлой, циничной иронии, как будто впервые встреченные новгородцы были им много и давно должны. И хотя нигде не мелькнуло гадкой хари, исполненной хитрой, корыстной тухлятины, во Владимире явно не испытывали недостатка в притоке свежего московского генофонда.

– Своих не бьёшь – чужие не боятся, – Щавель поехал стремя в стремя с Литвином, чтобы расспросить сотника о местных реалиях. – Давно ли тебя отправлял светлейший за Москву – приводить в чувство здешний народ?

– Зачем его приводить, он ничего дурного нам не делал. Владимир дань исправно платит, разбойникам не потворствует, наоборот, держит их в крытке, да и протяжённость участка ответственности на тракте всего ничего. Место тихое. Город нам проблем не создаёт, а мы ему.

– То есть ты здесь ни разу не был?

– Так точно, – молодой сотник закусил ус и отвернул жало, будто высматривая кого-то в проулке, потом повернулся и нехотя отчеканил: – В Рязани был, в Калуге. Здесь не доводилось. И вообще, это как бы спорная территория с Великим Муромом. Тут не рекомендуется разборы учинять, как с вехобитами на болотах.

– Добро, – сухо обронил Щавель. – С каких же пор Владимир стал спорной территорией с Великой Русью?

– Года три, почитай, – как о чём-то само собой разумеющемся поведал Литвин.

«Вот, значит, как теперь дела делаются, – подумал Щавель. – Светлейший словом не обмолвился, что земли за Москвой отходят Великому Мурому. Не счёл нужным известить, или это настолько в порядке вещей, что само собой разумеется? Этак скоро пограничных идолов в Бологом вкопают, а то и под стенами кремля!»

– Дань кому платят? – уточнил Щавель. – В Новгород или Муром, или спорить приходится?

– Нам платят, но гарнизона нашего во Владимире нет. Торг они ведут с Муромом, до нас далеко. Судья тоже муромский. В общем, неоднозначно тут всё. Светлейшему эти земли не особо нужны по причине их отдалённости и бесполезности. Наверное, Великой Руси со временем отойдут. Пусть она в них вкладывается.

Отчасти с Литвином сложно было не согласиться. От Владимира издавна толку не было, а Святой Руси его земли приносили пользу лишь как буфер между ней и великим соседом. Но и отдать её стало бы фатальным ущербом для репутации князя. Даже выпустить в суверенное плавание не представлялось возможным. Сегодня ты своему имуществу волю дал, завтра на него сосед руку наложил и, получается, что вроде как отобрал, будто у слабого. Таким путём и другие захотят пойти, ведь все здоровые организмы хотят жрать и расти. Значит, послезавтра прощупают на предмет отделения следующего куска территории. Поначалу мирно, обосновывая его неэффективность и вообще ненужность, или выдвинут давно забытые исторические претензии, вспомнить о которых раньше в голову прийти не могло. Если борзым соседям сразу укорот не дать, они обнаглеют до вооружённой провокации. Некоторые источники говорят, так и случилось перед Большим Пиндецом.

«Князь слабину даёт, а это гибель, – подумал Щавель. – С одной стороны, не просто так он меня с отрядом направил. Кому-то нужно быть любимым народом, а кто-то должен быть спасителем Отечества».

Возле большого каменного Круга свернули налево и встали перед воротами Централы. В лицо задул холодный ветер северный, сырой, резкий, как понос, и плотный, почти как вода. Он выталкивал ратников с улицы, словно хотел прогнать. С неба полетела морось, и немедленно захотелось под крышу. Дружинники пригнулись к шее коней, сощурились от летящей в глаза дряни. Лица сделались злыми.

Карп вышел из комендатуры. За ним следовал гражданин начальник.

– Здравия желаю!

Хозяин был кряжистый, прогнивший тюремщик с кустистыми бровями и красным носом картошкой. Допиндецового покроя китель, зелёные портки, заправленные в высокие, начищенные до зеркального блеска сапоги, и картуз-аэродром с красным околышем делали его похожим на замшелый пенёк. Китель был перетянут портупеей из коричневых ремней, на поясе висела кобура с короткостволом, придававшая пню вид бравый. Застыв на крыльце, гражданин начальник по-хозяйски засунул большие пальцы за ремень, разгладил китель, безошибочно впился взглядом маленьких голубых глаз-буравчиков в немолодого, потрёпанного жизнью всадника в одежде цвета сосновой коры.

Щавель кивнул.

– И тебе здравствовать, уважаемый.

Литвин отдал начальнику тюрьмы воинское приветствие, однако тот лишь мазнул сотника липким запоминающим взором и снова уставился на командира.

– Как устроитесь, прошу ко мне в кабинет, – пригласил тюремщик и развернул корягу плеч к воротам. – Чего замёрзли там?! Чья смена?

Не столько уstraшённые начальственным окриком, сколько получившие условный сигнал, владимирские стражники выдвинули засов. Воротины распахнулись. Караван втянулся во внешний двор тюрьмы.

Внешний двор с казармами и конюшней отделяла от внутреннего двора трёхсаженная кирпичная стена с охранными заклипаниями поверху. За стеною высился Централ. На уютном внутреннем дворе торчала на эшафоте виселица, её верная подруга – плаха, рядом стояло колесо и заскорузлый кол, – весь набор для воздаяния по заслугам. Туда выходили окна камер государственных преступников, с которыми князю по каким-то причинам не хотелось расставаться. Обслуживали их урки попроще, а стерегла весь этот сброд надёжная свора хозяина, набранная из потомственных цириков с далёких вологодских земель.

Отряд занял пустовавший второй этаж и огромную каменную конюшню. Рабы под командованием Михана и Желтка вытрясли сопревшие соломенные тюфяки и прибрали полы. Душегубов из лагеря Нахального принял дежурный помощник начальника тюрьмы. Обожжённого шамана Мотвила в сопровождении Альберта Калужского отнесли на больничку. Затопили печь. В спальное расположение повеяло теплом.

– За дубком с хозяином тебе места нет, – напомнил Щавель Лузге его место, чтоб не заблатовал и не накосячил настолько, что командиру придётся принимать нелёгкое решение о наказании. После истории с Покинутой Норой и нассанным черепом «медвежонка» старый лучник ожидал от оружейного мастера любой пакости. – Ты лучше носа из расположения не показывай. Обживай нары, пока не начал обживать карцер. Отсюда Белорецкую промку как ниоткуда хорошо видать.

– Знаю, не мальчик, не к теще попал, – огрызнулся оружейный мастер. – Учить меня будешь! Я с хозяином за один стол срать не сяду. Он мент и мне не кент.

Лузга ещё долго рычал и понтовался, шкандыбая взад-вперёд по продолу и нагоняя жути на ни в чём не повинных рабов.

Завхоз с личным клеймом начальника тюрьмы на челе проводил Щавеля, Карпа и Литвина в кабинет хозяина. Длинный совещательный стол был накрыт для обеда. Исповедуя древнее правило о том, что происходящее внизу есть бледное отражение творящегося наверху, начальник владимирского централа как бы подавал узникам пример для подражания. На белой скатерти блестела мифриловым светом серебряная супница, до краёв полная нажористой баландой. Тянулось длинное блюдо с цельным печёным язём. Серебряное же ведёрочко для шампанского, доверху наполненное отварной картошечкой, исходило паром. Рядом примостилась миска солёных рыжиков, намекая на немедленное применение пары пузатых графинов, налитых прозрачайшим первачом. На заедку ждали почтения пирожки с налимьей печёнкой, а также с капустой, и с рисом, и с рубленным яйцом. Словом, накрытая поляна начальника тюрьмы служила хорошей, годной иллюстрацией узникам, что непорочная служба и верность долгу влекут за собой неизбежные блага, тогда как воровство, обман и интриги против начальства приводят к смакованию изысканного вкуса залупы на ацетоне.

Начальника звали Воля Петрович Князев. И если имя-отчество достались по месту рождения, как это принято в вологодском краю, то фамилию ему поменял светлейший, обратив в признак принадлежности господину. Выцветшее со временем аккуратное клеймо Лучезавра на лбу начальника тюрьмы было прикрыто чёлочкой, но волосы с годами поредели и практически не скрывали шрам. Воля Петрович был реликтом одного из проектов, которые светлейший за время своего княжения расплодил во множестве. Проектом «Князев» была закупка квалифицированных рабов и расстановка их на управленческие должности. Высокопоставленный раб мог распоряжаться свободными людьми, большими денежными средствами и даже иметь своих рабов, но при этом всецело оставался в руках господина. Чтобы держать раба на коротком поводке, не надо было собирать компромат, искать особый подход или связываться родственными узами. Достаточно было иногда напоминать о существовании невольничьего

рынка. Рабу не требовалось повышать денежное содержание сверх жизненно необходимого из опасения, что он перебежит к конкуренту или просто захочет уехать в деревню и завести козу. Раб, бросивший должность, мигом превращался из хозяина в добычу охотника за беглыми и вообще в добычу любого мужичка, способного на насилие ради получения награды от владельца потерявшейся вещи.

Когда на ответственной должности стояло пусть наделённое властью, знающее дело, умеющее управлять людьми, но всё же имущество, а не человек, это существенно облегчало жизнь.

По разным причинам рабов на ответственных должностях у новгородского князя практически не осталось, однако хитрый и осторожный тюремщик, верой и правдой служивший Лучезавру, ещё уцелел. В своей цитадели на отшибе Святой Руси он оставался полновластным хозяином.

Выгнали чертей из хозобслуги, затворили двери, сели за стол. Прислуживать остался завхоз. Раб раба прослыл настолько доверенным, что Князев не чурался вести при нём разговоры на государственные темы. С обиняками, конечно.

– Ваше прибытие, господи! – Начальник тюрьмы поднял гранёный стопарь чистейшего хрусталя звономудской выделки.

Выпили. Выдохнули. Навалились на горячее.

– Князь написал о тебе, – Воля Петрович вытянул из кармана галифе большой белый платок, промокнул взопревшую лысину. В первач не пожалели сыпануть перцу, он давал дрозда. Первая же рюмка взрывалась в животе, адский огонь требовал срочно закидать его пищей, но и она была от души сдобрена приправами, так что пронимало до самой селезёнки и немедленно хотелось накатить ещё. Завхоз быстро наполнил стопари. – Ты боярин из Тихвина. Я знаю, куда ты идёшь. У меня здесь содержатся басурмане. Можешь с ними поговорить о своём. Они тебе расскажут много интересного.

– А светлейший знает, что они знают? – Щавель степенно утёр усы, хотя у него внутри всё горело.

– Из Новгорода приезжали их допрашивать. Постоянно приезжают, – кивнул хозяин централа. – Ты спросишь у них своё. За дорогу и что тебе ещё нужно. Басурманских лазутчиков часто ловят. Но они наши, русские, ничего о тех краях не ведают. Настоящих, из-за речки, нечасто принимаем, но есть кое-кто, – Князев подмигнул, и это так не вязалось с его манерой говорящей коряги, что в бесстрастном взоре Щавеля загорелась тусклая искорка интереса. – Это загадка. У каменного попа да железны просвиры, во рту желчь, из глаз искры?

– Светлейший откровенен с тобой, гражданин начальник Воля, – смиренно молвил Щавель.

Карп ухмыльнулся и махнул завхозу, дескать, банкуй, не отлынивай.

– В чём отгадка?

Литвин по очереди озирал компанию, но ответа не дождался.

– Тебе Лузга потом скажет, – обронил командир. – Он крепко в теме.

«Не уважают! – металось в голове обделённого пониманием сотника. – Трут о чём-то промеж себя, а меня за мальчика держат».

– У стен есть уши, – примирительно сказал Щавель.

– У холмов есть глаза, – продолжил Карп.

– А язык доведёт до цугундера, – закончил Воля Петрович.

При этом достигшие полного согласия мужи удовлетворённо заулыбались, а не знавший известной поговорки сотник обиделся. Стиснул зубы, но, чтобы не показать виду, вымученно растянул губы в стороны и стал похож на дрессированного голодом волка.

– Пленные басурмане – это хорошо, – взгляд Щавеля сделался стылым, старый лучник к кому-то примеривался. – После обеда ты найди мне пачку бумаги и карандаш да подай самого преступного лиходея.

– Сделаем, – с заметным довольством сказал начальник тюрьмы и хотел что-то добавить, когда его прервал стук в дверь.

– Запусти его, – рыкнул он завхозу. – Кто ломится?

Ломился вольнонаёмный офицер с красной повязкой дежурного помощника на левом рукаве кителя.

– Разрешите доложить, заключённые объявили голодовку. Мечут шлёнки с баландой через кормушку. Баландёру рыло обварили, он на больничке.

– Ужин не готовить, – распорядился начальник тюрьмы и положил себе на тарелку истекающий жиром кусман из серёдки печёного язя. – Хотят голодать, пусть голодают. Не стой в дверях. Иди сюда, возьми пирожок.

* * *

Лучики тепла доверчиво глядели в окно одиночной камеры. Асгат Шарафутдинов по кличке Соловей стоял у решки и смотрел через реснички на волю. В душу лезла грусть, опять щемило грудь, и Соловей растирал её по кругу.

Заточение в каменном мешке медленно убивало его. Соловей был слишком велик, могуч и тяжёл, чтобы сиднем сидеть без глотка свежего воздуха. Сердце он начал чувствовать через месяц заточения. Скучная кормёжка, жестокий режим содержания и цепные псы режима не добавляли здоровья. Владимирский централ пил жизнь ведрами. Лежал на сердце тяжкий груз, он давил, и давил ощутимо.

Через брешь на месте выломанной нижней планки жалюзи Соловей выглядывал во внутренний двор тюрьмы. Под окнами сновали зэка, чёрт разгонял метлой лужу перед виселицей, с пищеблока потягивало душком совершенно не халяльной баланды. Однако Соловей радовался, что здесь хоть это-то, но есть. Могло не быть вообще ничего. И даже не трюм, а чернота небытия или что там бывает по ту сторону? Не долга была его прошлая весна, когда капитана пограничных войск Асгата Шарафутдинова во время глубинного разведрейда повязали дикие урыски и в кандалах доставили в этот адский каземат. С тех пор был внимательный дознаватель, хороший, плохой и злой следователи, дыба, плеть и пресс-хата. И даже «музыкальная шкатулка», когда за дверью камеры сутками напролёт один бард сменял другого. Это изуверство урысов капитан Шарафутдинов вспоминал с особым содроганием. Разумеется, он рассказал всё. Здесь умели вынимать душу. Однако на многие вопросы капитан погранвойск ответа не знал. На курсах усовершенствования, когда его взяли в разведку, учили, что никакие ништяки и никакой пресс не достанут из человека того, чего в нём никогда не было. Шарафутдинов и не выдал лишних тайн, в которые его не посвящали.

Теперь, когда заклацал замок хаты, душа Соловья ушла в пятки. «На допрос, – понятки были без вариантов. – До конца жизни будут колоть, свиньи вонючие».

– На выход, без вещей.

В проёме торчали два рослых цирика с толстыми дубовыми дубинками. Соловей помрачнел, шагнул за порог.

– Руки за спину, лицом к стене! – залаяли надзиратели.

Шарафутдинов повернулся, на запястьях защёлкнулись конвойные наручники на жёсткой сцепке. Выводной закрыл камеру. Шарафутдинова взяли под локти.

– Пошёл.

– Меня куда? – на всякий случай поинтересовался Соловей, вдруг скажут.

– Иметь верблюда.

Со сменой сегодня не повезло.

– Шевели копытами! – Цирики вздёрнули скованные за спиной руки, и Соловей, опасно накренившись, побежал по лестничному трапу. Вниз, вниз, мимо первого этажа с оперчастью.

В подвал.

Согнутого пополам Соловья ввели в допросную. Тормознули.

– Ноги шире! – последовал пинок по щиколотке.

Соловей расставил ноги и, глядя в пол, выпалил привычной скороговоркой:

– Осуждённый Шарафутдинов Асгат Сарафович, две тысячи триста первого, сто пятая, сто шестьдесят вторая, двести семьдесят шестая, пятьдесят, начало срока двенадцатого ноль четвёртого две тысячи триста тридцать третьего, конец срока двенадцатого ноль четвёртого две тысячи триста восемьдесят третьего, здоровья желаю, гражданин начальник.

– Садись, Соловей-разбойник. – От ледяного голоса капитана Шарафутдинова пробрало до печёнок. – Будет у нас с тобой об Орде разговор.

«Подвергшаяся многочисленным половым сношениям самка собаки... А ведь так хорошо день начинался», – подумал, обмирая, Соловей, когда его повели к ввинченному в пол стулу.

**Глава третья,
в которой свободолюбивая интеллигенция
испытывает недовольство властью, а
власть пасует перед единодушным порывом
несогласных горожан сплотиться, и всё
заканчивается не так хорошо, как хотелось бы**

В казарму Щавель вернулся поздно, неся туго набитый портфель из кожи молодого бюрократа. В портфеле были протоколы допросов пленных басурман, которые командир наметил прочесть за ночь. Новые сведения об Орде, о приграничных землях за речкой, о басурманских городах и дорогах, даже кое-что о самом Белорецке. Всякая мелочь имела ценность сама по себе. Мелочи могли дополнять друг друга, умножая значимость. Пока свеж был в памяти разговор по душам с разбойником Соловьём, назвавшимся служивым человеком пограничной стражи, бумаги следовало освоить и записать сделанные выводы. Спальное расположение встретило командира тёплым ламповым светом, запахи портянок и печного дыма вытеснили соломенную прель, помещение сделалось обжитым. С продола немедля подскочил Лузга, принюхался:

– Перцовочку пили?

– Да уж не елду на меду, – припомнил Щавель княжеский пир и осведомился: – Как тут, без происшествий?

– Вообще голяк, как в сиротском саду, – пожаловался Лузга. – Ни пьянки, ни драки. Сечки порубали и спать.

Спали однако не все. Личный состав приводил в порядок снарягу, группа досужих слушателей кучковалась возле грамотного раба, а Дарий Донцов рассказывал:

– Взял Иван-царевич в жёны Василису Перемудрую, дочь бабы-яги, да к царю-батюшке направился. Ехали долго ли, коротко ли, утомился Иван-царевич в дороге, слез с коня да уснул богатырским сном, а Василиса Перемудрая рядом почивала. Набрёл на них Васька-ключник, злой разлучник, взял он меч-кладенец и порубил Ивана-царевича на кусочки. Пробудилась Василиса, видит, суженый её лапти отбросил, закручинилась, запечалилась, слёзы её горькие закали на раны Ивана-царевича. Однако никакого эффекта. Достала тогда Василиса Перемудрая пузырьки с живой и мёртвой водой, приданое, что дала ей баба-яга. Стала думать да гадать, как чего надо пользоваться. Долго судила да рядила, мудрила да перемудрствовала, где по логике, а где по наитию. И всегда получалось по-разному. «Всё ж живой водой будет лучше, – решила Василиса. – Коли суженый мой и так уже мёртв, незачем ему вода мёртвая.» Так подумала да побрызгала. Вмиг ожил Иван-царевич, на кусочки злодеем изрубленный. Части тела его задвигались, сердце в траве запрыгало. Ноги быстро сгибаться начали, а руки сами по полю заползали. Было зрелище то вельми гадкое, даже конь убежал, не смог терпеть. А когда голова стала разевать в немом крике рот, Василиса Перемудрая не выдержала. Открыла она пузырёк с мёртвой водой и обрызгала мятущиеся останки. Сразу все куски успокоились. Василиса Перемудрая осталась одна в глухом лесу, без жениха, без приданого, без коня и меча-кладенца, зато с высшим образованием.

Заржали ратники.

– Ключник хитёр, подлец!

– Он, должно, не тока был женат, а уже разошедши.

– Опытен, падла, сразу видать.

- Иван-то лох, на учёную степень повёлся.
- Тяжело в лесу без огнестрела.
- Да и с огнестрелом тяжело, – вздохнул кто-то изрядно послуживший.
- Будь вместо меча короткоствол, всё могло сложиться иначе.
- А будь короткоствол у Василисы, исход сказки был бы немного предсказуем.

Даже на отдыхе ратники не теряли бдительности и по мере приближения командира расступались, толкали зазевавшихся товарищей, освобождали проход, пока Щавель не оказался перед сидящим на нарах Дарием Донцовым.

– Что думаешь о сказке ты? – осведомился старый лучник, перехватывая удобнее под мышкой портфель разноцветно татуированной кожи. – Какую мораль ты вкладываешь в свою историю?

– Здравствуй, господин, – учёный раб встал и поклонился. – Я не даю никакой морали. Вольные люди сами вольны выбирать, какие сокровища выносить из этой сокровищницы. Не мне ограничивать их свободу. Я думаю, что моё дело рассказывать и развлекать, ни к чему не обязывая и не призывая. Если люди найдут некие глубинные смыслы, то они найдут их на самом деле в себе. Сказка – это ключ, который отпирает дверь в их душе. Я хочу написать сборник таких сказок, господин. Чтобы он был, как связка ключей. Я на него даже договор заключил с покойным хозяином, ныне аннулированный. В Великом Муроме книгу можно будет продать новому издателю.

Дружинники примолкли, внимательно слушая речи учёного раба о неведомых ратоборцам делах. Многим невдомёк было, что сказки можно записывать, и тем удивительнее казалась подборка их, как нанизанные на кольцо ключи. А уж продать кому-то... Покупателем должен быть человек, умеющий читать. Или хотя бы знающий грамотного богатея, чтобы перепродать ему сей сколь драгоценный, столь и сомнительный товар. Тут было над чем поломать голову простому ратнику. Впрочем, сделка намечалась в Великом Муроме, а там водилось немало чудес, подобных загадочному новому издателю.

– Пиши, писатель, – Щавель бросил на нары пачку серовой бумаги местной выделки и красный сибирский карандаш «Томск М-ТМ», неизвестно как попавший к начальнику тюрьмы.

* * *

Земля на тюремном дворе, распаханная коваными сапогами и копытами, напилась кровью и сделалась будто свекольного цвета кашей. Щавель брёл по ней, увязая по щиколотку. «Никуда не деться, никуда, конвой, конвой», – звучало в голове, словно у магнитной ленты склеили концы и запустили по кругу. Палач протянул корявые пакши, чтобы сграбастать и утащить на эшафот...

Щавель открыл глаза за мгновение до того, как его коснулась рука Михана.

– Ай, дядь Щавель! – Парень аж присел от боли, до того остервенело стиснул ему запястье старый лучник. – Ты чего?

Щавель опомнился, разжал. Молча смотрел на парня. В расположении царили предрасветные сумерки, только свеча в руке ночного дежурного освещала его испуганное лицо.

– Говори, – шевельнулись губы командира.

– Виноват, – тоном, как у Сверчка, отрапортовал Михан. – Начальник тюрьмы просит к себе. Посыльный говорит, по срочной надобности.

Дежурный помощник начальника тюрьмы с фонарём в руке ждал у дверей под присмотром пары дневальных рабов, донельзя довольных, что ночуют в тёплом помещении, а не на конюшне. Истощённые за сотни вёрст пешего этапа рыла ныне лучились сытым довольством. Рабы от пуза натрескались вкусной сечки с нажористым отварным салом и теперь готовы были

защищать кормушку до последнего дыхания. На ДПНТ они взирали пристально, строго, но с некоторой опаской и недоумением: уж не хочет ли незванный гость перевести их из казармы в жуткие казематы, при одной мысли о которых бегут по телу мурашки? Прикажи рабам наброситься на цирика, голыми руками порвали бы.

– Доброе утро, – ледяным голосом приветствовал его Щавель.

– Гражданин начальник приглашает явиться в связи с изменением обстоятельств, – пропустив приветствие мимо ушей, отчеканил ДПНТ.

– По поводу вчерашнего?

– Не могу знать.

– Жди здесь. Возьму бумаги и секретаря.

В спальном расположении Щавель растолкал звучно храпевшего верхними и нижними отверстиями Лузгу. Рык смолк, воздух около нар, казалось, посвежел.

– Одевайся, мухой, – шёпотом приказал Щавель. – Котомку свою заряди. Ты мой секретарь по секретным делам. И помалкивай.

– И в рот лупись, и с вещами соберись, – отвечал на это Лузга, однако быстро сел и принялся мотать портянки.

Они вышли к ожидающему с деревянной стойкостью дежурному помощнику. Щавель с портфелем и чуть позади Лузга, придерживающий увесистую котомку. Цирик вытаращился на доходягу в драном свитере и обвисших портках, еле прикрывающих новенькие берцы, на зеленоватый ирокез, на обезжиренную морду, на глумной оскал, за один который следовало законопатить в ШИЗО. Секретарь был под стать боярину. Если бы ДПНТ приказали принять эту парочку, тюремщик оказал бы им самый тёплый приём. Для начала подобрал бы уютный карцер возле бойлерной, чтобы прожарились до седьмого пота, а потом запер на общак с рецидивистами. А потом, конечно, в ШИЗО, повод найдётся. А потом рассадил по одиночкам, чтобы у арестантов поехала крыша. Годик помариновать, затем можно и в трёхместную сажать на полный срок. Очень ему не нравились насквозь криминальные хари с явными признаками душегубства, мародёрства и канибализма. Кого только ни наберёт в помощники светлейший князь! То ли дело дюжие ахтунги, наезжающие из Великого Муромы. Спортивные, ухоженные, смотришь и глаз отдыхает. Но служба есть служба. Если эти головорезы – комиссар Великого Новгорода с секретарём, обращаться с ними подобало почтительно.

– Прошу вас следовать за мной, – вежливо пригласил дежурный помощник, развернулся через левое плечо и стал спускаться по лестнице.

Тюремный двор был замощён брусчаткой и там, куда падал свет фонаря, не выглядел inferнальным как во сне.

– Знаешь, что такое магнитная лента? – спросил Щавель, ещё находясь под впечатлением сна.

Лузга пожал плечами и, поколебавшись, ответил:

– У басурман есть. Они музыку на неё записывают как-то. Сам я ленты не видел. Думаю, магнит как-то хитро расковыывают в полосу, с одной стороны у неё плюс, с другой минус, посредине где-то звук прячется. Порожняк гнать не буду, не видел, не знаю, на что она похожа, а чего ты спросил?

– Снится всякое, – неохотно поделился Щавель. – Место плохое.

– Похужей видали!

В кабинете начальника централа сгустилась атмосфера авральной ночи. Плавал слоями синий табачный дым. На столе расположился пищевой центряк – сало, пряники, повидло и здорovenный чифирбак, накрытый брезентовой рукавицей. Воля Петрович приветствовал вошедших, буровая налитыми кровью глазами. Этажом выше кто-то гомонил, вроде как бабы, и даже плакал ребёнок.

– Лузга, мой большой спец по делам тебе известным, – представил спутника Щавель и положил на стол портфель. – Благодарю за помощь.

– Служу отечеству и князю! – нехотя поднялся раб, которому боярин указал место, обращаясь не как с высокопоставленным должностным лицом, а как с низестоящим.

Помогальников с дубинками в кабинете не оказалось. Репрессировать не собирались. Щавель не мог отрицать эту возможность. Мало ли что придёт в голову князю? Возьмёт да направит письменный приказ запереть в темнице за бесчинства по пути следования. Беспредельничать светлейший вроде как дозволил, но вон как обернулось. Одного ростовщика, из-за которого началась война с Озёрным Краем, могло с лихвой хватить для принятия сурового решения. Князь, каким его Щавель помнил до отсылки своей в приграничный Тихвин, был способен на многое. Лучезавр всегда был способен на всё, потому и сделался князем.

– Что у тебя стряслось ни свет, ни заря? – удержал перехваченную инициативу командир и тем, казалось, добил казематного льва.

Воля Петрович отвёл взгляд, тяжело прошёлся по кабинету.

– Присаживайтесь, угощайтесь. Чифир свежий, только нифеля поднимал. Индюха натуральная, не какой-то китайский пу-эр.

– Лузга, налегай на допаяк, – разрешил Щавель, понимая, что церемонии пусть даже с наделённым исключительным доверием и верно прослужившим много лет ответственным лицом, но всё же имуществом, а не человеком, в эту минуту кончились.

Лузга, не снимая котомки, пристроился напротив чифирбака и принялся наворачивать за обе щеки. Пряники намазывал повидлом, заедал смачными ломтями бациллы, с чифиром однако не пыжил, чтобы не посадить мотор.

Щавель, наоборот, отодвинул стул, словно дистанцируясь. Развернулся к начальнику тюрьмы, сел, заложил ногу за ногу, сплёл на колене пальцы, смерил Князева от залысины до столешницы.

– Косяк у нас городского масштаба, – выдержав паузу, за время которой тщательно подбирал слова, изрёк Воля Петрович. – Язык не поворачивается сказать. Самоорганизованная интеллигенция выгнала из дому городничего вместе с домочадцами и в хоромы его беженцев заселила. Вот только что.

– Где он?

– У себя. На административном этаже, – мотнул головой в потолок Воля Петрович. – Бабы в канцелярии сидят, прислуга в архиве. Стыд.

– То-то у тебя шумно, – заметил Щавель. – Я уж решил, что ты работаешь с контингентом вне застенок, в обстановке не располагающей к откровениям.

– Обстановка важна, – тюремщик оценил тонкий юмор командира, – но хороший собеседник важнее. Я могу и здесь всю подноготную вытянуть, была бы иголка. Ты, боярин, тоже справишься. Докладывали, как ты Соловья-разбойника расколол.

– Правильно мыслишь, – учёл комплимент Щавель. – Вызови городничего.

– Он не придёт. Не по чину городскому правителю к рабу по вызову бегать.

– Кто у кого в гостях? – холодно молвил Щавель. – Главу города только что из собственных хором горожане выставили. К тебе он, может, и не пойдёт, а ты передай, что я его зову чифирнуть на сон грядущий. Визита вежливости нынче не сподобился ему нанести в связи с крайней занятостью, вот случай и подвернулся познакомиться. Зови. Он придёт.

Он пришёл.

Декан Иванович Семестров оказался дородным старцем, утратившим благообразность по причине вполне объяснимой. Неуверенность чувствовалась в нём и выдавала себя суетливостью движений. И хоть вытурили его из дому среди ночи, одет городничий был в алый атласный шлафрок, под которым красовалась белая тонкого полотна рубашка и чёрные фасонистые брюки. Массивные чресла сзади уравнивали изрядное пузо спереди, придающее

городничему вид груши, в которую воткнули булавку. Над узкими плечами на тонкой шее торчала маленькая шарообразная голова с носом-пуговкой. Волосы городничий стриг коротко, а бороду на щеках зачем-то брил, оставляя на подбородке аккуратный клинышек. Городничий шурил подслеповатые глазки, однако не отважился взглянуть на княжеского эmissара через диковинное приспособление – два круглых стёклышка, заключённых в золотую проволочную оправу на длинной ручке. Лорнет так и остался висеть у него на груди.

– Войти аль нет? – продребезжал он у порога, игриво показывая, что по-прежнему чувствует себя властителем Владимира, несмотря на небольшой конфуз, и может иронизировать с незнакомым посланцем светлейшего князя Святой Руси.

– Заходи – не бойся, выходи – не плачь, – немедленно ответствовал начищенный Лузга и чуть было не сорвал всё дело, потому что у городничего задрожала нижняя губа и он попятился.

– Милости прошу, войдите, – кинулся спасти ситуацию Воля Петрович. И спас. Долгий срок знакомства и совместной работы, а также форс-мажорные обстоятельства помогли сгладить напряжение. Городничий переступил порог.

– Добро пожаловать, – отчеканил Щавель и вместо устного представления протянул княжескую грамоту – удостоверение личности, поскольку знал, что Семестров большой крючковор и верит только документам.

«Гниль, – подумал Щавель. – Я бы курятник ему не доверил. Как светлейший поставил такого управлять целым городом?»

Разгадка оказалась проста – Декан Иванович был потомственным интеллигентом.

Постпиндецовая история Владимира насчитывала много гитик. Город оказался совершенно не подвержен разрухе. В нём сохранилось всё, в том числе педагогические и сельскохозяйственные вузы. Высокотехнологичная промышленность быстро угасла по естественным причинам, а вот преподавательская работа расцвела. Маховик причинно-следственной связи завертел колесо сансары: как мухи на добро, во Владимир потянулись свои к своим. Князья сознавали выгоду доставшегося ресурса и множили специалистов, которые шли на Русь нести разумное-нужное-вечное за определённую плату. По преysкуранту отчисляли оброк в городскую казну, а город платил дань князю. Это оказалось неожиданно выгодным. Во Владимире оставляли лучших выпускников – держать марку, а ушедшие в народ сами так основательно научить не могли. Другим городам оставалось довольствоваться худшими из лучших, и, сколь они в своё время ни пытались составить конкуренцию, не получилось ни у кого.

Стоящий на отшибе Святой Руси, не вырабатывающий на продажу никаких уникальных товаров, не участвующий в политической жизни Владимир оставался ценным достоянием княжества. Он производил интеллигенцию.

Декан Иванович долго изучал через лорнет грамоту, но, как заметил Щавель по движению его глаз, не буквы разбирал, а ухватил весь текст разом. И потом неспешно водил взглядом по строчкам, изображая чтение – тянул время, думал.

– Случай свёл нас в обстоятельствах крайне неоднозначных, – городничий протянул документ, примерился на Лузгу через лорнет, без приязни обозрел начальника тюрьмы, кинул на шнурке волшебные стёклышки, позыркал на Щавеля невооружённым глазом.

«Неоднозначнее трудно представить», – подумал старый лучник, но вежливо возразил:

– Для нас эти обстоятельства являются невообразимыми. Виданное ли дело, люд выгоняет из особняка наместника светлейшего князя. Авторитет его не ставят ни во что, получается. Сколько бунтовщиков было убито при задержании?

– Убито? – вздрогнул городничий. – Что ты? Как можно? В этом городе убивают только меня. Морально, хе-хе, конечно. Давайте присядем.

Присесть было в данной ситуации нелишне, чтобы выслушать всю правду об игрищах городничего. Ежегодно Декан Иванович по собственному почину объявлял в учебных заведе-

ниях конкурс на лучшее сочинение об убийстве Семестрова. Таким образом Декан Иванович выпускал пар из возмущённого коллективного разума юных, но продвинутых умов, в силу возраста не согласных мириться с текущим положением дел, каким бы оно ни было. Градус свободы мысли исконно был столь высок, что в оплоте просвещения мощно сгустился либерализм и выкристаллизовалась толерантность невиданной на Руси чистоты. Во Владимире проживала община менеджеров, не таких прошаренных, как в Москве, а по-провинциальному незамутнённых. Возле ночного клуба клубилось кубло клабберов. Встречались и подражатели хипстерам из числа местных учащихся, но до внутримкадовских образцов не дотягивали: не было в лавках узких и кривых портков, да и говнозеркалки водились только поддельные, деревянные. Однако уровень внутренней свободы, свойственной всем образованным, совестливым, интеллигентным людям, вполне мог сравниться с московским. Декан Иванович гордился традициями и охотно шёл на уступки просвещённому классу, когда надо было решать споры с быдлом.

Споры возникали. Владимирские мужланы и их бабё по причине врождённой ограниченности не всегда готовы были принять в неотъемлемую свою обязанность признавать хотелки образованного класса. Последний конфликт вышел из-за понаехавших. Первыми с Москвы ринулись эффективные. Неудивительно, что они не стали прозябать в шалашах, а при первой возможности нашли самый настоящий дом. Во Владимире возможность представилась в виде заброшенной избы с сараем и почти целым хлевом. Офисный коллектив под руководством тайм-менеджера самовольно занял пустующее строение и превратил его в сквот. Ещё не офис, но уже не обитель человеческая. Круглые сутки доносились оттуда слова на собачьем языке, проводились во дворе тимбилдинговые семинары, тренинги и даже как-то случился корпоратив! При таком ходе движа недолго оставалось до момента, когда пристойное, хоть и несколько подзапущенное место среди людей осквернится евроремонтом.

А потом повалили беженцы. Они шли транзитом в Великий Муром, но немало оседало в ночлежище. С утра шли во Владимир побираться. Обездоленные слонялись по улицам, пробовали наниматься на работу, обивали пороги и всячески настораживали благопристойных владимирских мещан. С чердаков стало пропадать бельё, из погребов продукты. Неравнодушные интеллигенты устроили перед зданием городской администрации пикет с призывом благоустроить новое поселение и накормить всех голодных. На какие средства, интеллигенты не оговаривали и пускать шапку по кругу не спешили. Верили только, что их благородное требование, до которого не могли додуматься тупые чиновники, должно быть выполнено немедленно.

Манагерский сквот разросся за счёт крупных и мелких боссов. Его стали навещать владимирские манагеры, по такой нужде забив на работу. Свои тянулись к своим. Даже студентота взбодрилась и влилась в общественное движение, благо в вузах ради такого дела отложили экзамены. Преподаватели сами заходили в сквот как к себе домой и, возможно, получали инструкции.

Вакханалия гуманизма продолжалась до позавчерашнего дня. Мелкие лавочники, у которых беженцы слямзили немало товару, подговорили сиволапое мужичьё, настропалённое жёнами, кои недовольны были наглыми попрошайками. Повод нашёлся – уличённые в воровстве гости города разбили лавочнику нос!

Толпа сердитого быдла вторглась в лагерь беженцев, разметала хлипкие постройки и погнала ссаными тряпками бесприютных москвичей прочь от Владимира. Городничий всеми силами стражи пресёк самоуправство и удержал жестокосердных мещан от пролития крови. Быдло вернулось в стойло. Ночлежище было разорено. Обитатели его большей частью верно восприняли народный посыл и снялись в Муром, прочие заныкались по окраинам, а элиту приютил сквот. Манагеры были готовы потесниться, но ненадолго. Уступать насиженные места другим москвичам не горели желанием, а потому тайм-менеджеры провели расширенное совещание с владимирскими коллегами, на которое пригласили пастухов туземной интеллигенции.

Образованные и порядочные люди никогда не любили власть, если только не становились властью сами. Тогда они искренне огорчались и недоумевали, почему их не любят. Понятно, если бы их не любило и не понимало быдло, но обыватели как раз относились к властям с пониманием и доброжелательностью. Не любила власть только интеллигенция, ибо черпала силу не в детях или не через уважение к себе и даже не в деньгах, а только в протесте. И когда во власть приходили их товарищи, они быстро становились нетоварищами. Это заставляло неофитов правящего класса подозревать образованный класс в склонности к интригам и даже усомниться в его порядочности. А не прорвавшаяся во власть интеллигенция утверждалась в нечестности ушедших наверх товарищей и ненавидела их каждый день потихоньку, складывая в кармане фигу, в особенные же дни не любила власть громко и открыто. Если власть позволяла, конечно.

Городничий позволил.

Теперь в его хоромах правили бал беженцы и пылающие святой ненавистью от осознания своей правоты представители образованного класса, а сам городничий сидел в прокуренном казённом кабинете перед компанией тюремщика, пса и убийцы и смущённо хихикал.

– Что намерен делать, Декан Иванович? – спросил Щавель, дослушав. – Как исправлять обстановку?

– Муниципальную стражу, – Семестров по-старчески пожевал губами, – привлекать не рекомендуется. Все местные, город маленький, им потом никто из порядочных людей руки не подаст. Вас тоже не следует задействовать. Это нанесёт удар по репутации светлейшего князя Лучезавра. В сознании просвещённой общественности может сложиться образ тирана, направляющего стражей порядка для репрессий мирных горожан вместо того, чтобы защищать их права и свободы.

– Какие будут предложения?

– Предлагаю альтернативный вариант, – по-черепашьи вытянул тонкую шею Семестров и растянул губы в мечтательной улыбке. – Направим губернатору просьбу о единовременной поддержке. Мой зять служит помощником начальника муромской полиции, он не откажет. Мы тут пару дней продержимся, а потом и помощь придёт.

От столь незамутнённого откровения в кабинете повисла настоящая эльфийская тишина.

– Кто ещё у тебя в Муроме есть? – Вопрос Щавеля прозвучал с таким безразличием, что Лузга захотел было осклабиться, да тут же передумал.

– Младшая дочка в Театральной академии учится, – сдал с потрохами городничего Воля Петрович. – У неё там полукаменный дом на окраине и ключница пансион для актёров держит.

– Ты так говоришь, как будто в этом есть что-то плохое! – возмутился Семестров и даже руками всплеснул.

– А ты позитивный, – заржал Лузга. – Ничего-то тебе не в падлу, всё-то тебя радует.

Семестрова перекосило.

– Ты уже одной ногой на той стороне, – голос Щавеля продёрнул холодком кожу вдоль хребта городничего, и Декан Иванович краем чуйки зацепил морозное дыхание вечности. – Ты представляешь светлейшего князя здесь, а сам с чертями в бирюльки играешь. Честь направо и налево торгуешь. У тебя в руках лучшие образовательные заведения Святой Руси, однако твоя дочка у соседей учится. Недвижимость у них прикупил, родственниками обзавёлся. Ты корни пустил на чужой земле и ещё вознамерился чужое войско к нам привести?

Чем дольше говорил Щавель, тем заметнее съёживался городничий, словно сдувался, выпуская воздух через нижний клапан. Ума у него хватало понять, как выглядит мозаичная картина внезапно собранных вместе фактов.

– Твой зять – силовик, занимающий пост в столице добрых соседей. Надо же.

– Все роднятся с соседями, – пролепетал городничий, но отмазка не прокатилась.

– Быдло пускай роднится хоть с китайцами, оно ничего не решает. Ты здесь поставлен править, ты – лицо государства, а у тебя дети и недвижимость за границей. Вот ты и дошёл до мысли войско чужое на подмогу привести.

Городничий вспотел и замер, заморожено выпялившись на командира кроличьими глазами. Воля Петрович осуждающе засопел.

– Ты сам себя перед народом принижал, вот людишки твои об тебя ноги и вытерли, – неторопливо проговорил Щавель, словно гвоздь вгонял в мягкую сосновую доску. – Ладно бы сам по себе жил, плюнуть да забыть. Но через тебя подданные могут и светлейшего князя в грош ни ставить. Потворство этому пресечь надобно немедленно.

Декан Иванович был отнюдь не глуп. В приостановившемся взоре его вспыхнул испуг. Он всё разом понял ещё до того, как Щавель проговорил:

– Властью, данной мне светлейшим князем Святой Руси Лучезавром, отстраняю тебя от занимаемой должности и до суда лишаю всех привилегий. Ты будешь взят под стражу и доставлен в Великий Новгород на княжеский суд. Временно исполняющим обязанности наместника во Владимире я назначаю тебя, Воля Петрович. В темницу пособника смутьянов! За намерение передать город в руки Великой Руси, высказанное мне в присутствии двух свидетелей, будет отдельный спрос. Лузга, пиши протокол.

– Походу, ты сам отнёс матрас на петушатник, – заржал Лузга в лицо городничему, обдавая его гнилозубой вонью, замешанной на пряном духмане чифира.

Семестров вцепился в край стола побелевшими пальцами.

– Так меня ещё никто не убивал, – пробормотал он и выдавил весёлый смешок, вместе с которым из уст вырвался его старческий разум.

* * *

Взошло солнце, и новгородская дружина принялась громить мятежную интеллигенцию.

К особняку на улице Старика Батурина, раскинувшегося со всем двором напротив парка имени 850-летия Владимира, Щавель направил Литвина с двумя десятками конных ратников при поддержке пешего взвода городской стражи. Приказ был сформулирован просто: мочить бунтовщиков везде; если найдут в нужнике, замочить в сортире. Ещё два взвода были направлены на патрулирование улиц с инструкцией задерживать и обыскивать всех подозрительных лиц, а при отсутствии клейма на лбу доставлять в участок с целью допроса и опознания на предмет установления интеллигентности.

Воля Петрович взбодрил своих цириков. Централ приготовился к приёму гостей и должовременных постояльцев.

Сам же командир отправился выжигать источник заразы, взяв четыре десятки с огнестрелом. В гнездилище московских манагеров должны были встретиться весьма эффективные личности.

Беженцы замутили сквот на улице Диктора Левитана, у ручья. Место как бы символизировало. Диктор Левитан, что было известно из курса эльфийской истории, выступал глашатаем Пердиктора Мировой Закулисы, чему располагала национальность и фамильная принадлежность к роду левитов – судей древнего мира. Вряд ли стоило удивляться, что на улице, названной в его честь, открылось место, куда могли втиснуться избранные.

Поганое гнездилище должно было стать конечной точкой исхода. Так постановил Щавель и с беспристрастной уверенностью выпущенной из лука стрелы привёл намерение в исполнение.

По причине раннего утра сквот спал. Манагеры привыкли продирать глаза не раньше одиннадцати. Изменить привычку не смогла даже революция.

Дюжина Щавеля на основе десятки Фомы выстроилась вдоль улицы напротив ворот. Остальные воины спешили и заняли позиции на соседних дворах да вдоль ручья с копьями наизготовку. Щавель достал из колчана огневую стрелу. Снял с наконечника кожаный мешочек, вложил стрелу в гнездо, бросил ждущему по левую руку Лузге:

– Дай прикурить.

– Без базара, – в кулаке оружейного мастера словно по волшебству возникла зажигалка, сработавшая из пулемётной гильзы. Большой палец крутнул зубчатое колёсико, полетел сноп искр, жёлтым пламенем занялся фитилёк. – Вот вам, нате, болт в томате!

Выждав, когда пакля разгорится, Щавель натянул лук, нацелился под застреху и позволил тетиве соскользнуть с пальцев.

– Отведай красного петуха, поганый менеджер! – напутствовал он.

Со смачным стуком наконечник вонзился в верхний венец. Сигнал был дан. Полетели факела. Они скатывались по дранке, оставляя огненный след прилипшей смолы, падали на крыльцо, поджигали лыковый половик, прыгали по ступеням и от них загорался неприбранный менеджерами мусор. Сарай и баня запылали следом. Пущенный фатовой рукой талантливого метателя булавы факел угодил в окно и исчез в доме, откуда сразу донеслись крики.

– Щас попрут, гниды офисные, – сквозь зубы пробормотал Лузга, сдвигая предохранитель обреза.

– Москвичей не жалеи! – звучно приободрил Щавель войско. – Вправо бей, влево бей! – и ратникам стало весело на душе.

Новгородцы не делили менеджеров на баб и мужиков. Смысла в том не было, ибо у менеджера погана суть. Посмотришь на такого, родом из офиса, вроде бы человек – две руки, две ноги, одна голова, ходит прямо, но, приглядишься, так и не человек он вовсе, а цельная мразь. Галстук носит, землю топчет, небо коптит, мир позорит. Как такого не прибить? Поэтому, когда из всех строений сыпанули, как тараканы, менеджеры и полезли через забор, их встретили разящие копья. Жёлудь с берега ручья методично доставал нечисть, не приближаясь настолько, чтобы оскверниться их ядовитой кровью, и даже снял опасного хипстера, прежде чем тот вспышкой говнозеркалки изловчился отнять чью-то душу.

В воротах распахнулась калитка и в неё сразу же влетела стрела. Менеджер заблеял и упал на спину.

– Бей! – бросил Щавель огнестрельщикам, три пули моментально развеяли сбившихся у ворот погорельцев.

Пока менеджеры ломались вглубь двора от страшной стреляющей улицы, огнестрельщики успели перезарядить. Однако не все эффективные умели учиться наступать на грабли один раз. На забор вскарабкалась и шлёпнулась на сю сторону, как жаба, уродливая беженка с опалёнными кудрями. Вскочила, позырила на омовцев глазами насаженного на кол филина. Она была одета в платье с грязным подолом и мужские бордовые туфли.

«Где-то я её видел?» – подумал Коготь.

«Она, не она? Во шустрая, успела сюда добраться», – подумал Лузга.

«Вездесущая тварь», – подумал Щавель.

«Опять они», – подумала она, вскинула тонкую ручку, заголосила:

– Опричники, я Бомжена! Не стреляйте. Я ЖеЖенщина!

Посланники светлейшего князя отреагировали немедленно.

– Огонь, – решил не марать стрелу Щавель.

– Огонь! – повторил Лузга, выбрасывая над головой коня руку с обрезом и нажимая на оба спусковых крючка одновременно.

– Огонь!!! – заорали дружинники, и огнестрельщики на кураже разом выполнили приказ.

Тело Бомжены, изорванное пулями и картечью, отбросило к занявшемуся пламенем забору. Синтетическое китайское платье вспыхнуло, словно порох. Сочащийся из ран зеленоватый ихор потрескивал и чадил, подгорая на свой лад.

«Сколько боеприпасов на одну шалаву извели», – сокрушённо подумал Лузга, которого заботил постоянный дефицит пороха.

– Заряжай, – бесстрастно обронил Щавель, на душе которого появилось ощущение выполненного долга, но это оказалось лишним – больше со двора никто не выходил.

Совсем не так развивались события у хором городничего, зачищать которые отправился Литвин.

Декан Иванович Семестров жил в башне из слоновой кости. Так охарактеризовал Литвину его обитель командир взвода стражи. Действительно, ещё издалека сотник завидел торчащий над крышами шпиль. Чем ближе становился объект, тем более открывался он во всей красе, а уж на улице Старика Батурина двор городничего предстал во всей самобытности.

Особняк явно строили по эксклюзивному проекту – нигде более такого чуда сотнику видеть не доводилось. Окажись здесь Карп, он бы указал на несомненное сходство с архитектурными стилями Великого Муромы, но знатного работорговца тут не было и приходилось оценивать уникальный дизайн своим умом.

За кованой оградой с вензелями в форме переплетённых литер ДИС являл народу демократическое лицо кирпичный фасад двухэтажного особняка, через каждую пару окон рассеянный трёхэтажными башенками со стрельчатыми окнами, облицованными тёмным гранитом, а посередине торчала пятиэтажная елда, отделанная желтоватым, нечистым, с прожилками, но всё же мрамором. Дефекты создавали впечатление настоящей костяной постройки. Литвин не знал, как выглядит слоновая кость, но тут уверился, что она такая и есть. Центральная башня отличалась креативностью и выделялась из архитектурного ансамбля, как Яркая Личность из толпы быдла. До третьего этажа окна были под стать соседкам по фасаду, но те, что выше, заявляли о незаурядности, как вычурно одетая в будний день робкая и глупая дурнушка.

Окна были круглые, со створкой, открывающейся внутрь. Как-то сразу становилось ясно, что комнаты за ними очень обжитые, пропитанные духом хозяина – незлобивого интеллектуала, блаженного до государственной измены. Особняк был новый, построенный позднее вросших в землю деревянных и полудеревянных дворовых построек, обнесённых забором на четверть квартала.

Заслышав гром подков по мостовой, из окон особняка повысовывались диссиденты. В доме не спали, где-то в покоях пиликала скрипка и ей подпевала гармонь. Праздновали новоселье, вероятно, дорвались до винных погребов. Во дворе стояли вынесенные из дома столы, заваленные тарелками и объедками – это клабберы устраивали пати. Властей больше не боялись. Власть показала беззубость и была обречена на посмешище.

При виде ОМОНа беженцы, крепко помнящие крошечную резню локального пиндеца на своей малой родине, попрятались, а владимирская студентота и примкнувшие к ним преподы заулюлюкали.

- Чего понаехали? Места для вас нет!
- Слышь, кровавая опричнина?
- Семестров должен уйти!
- Семестров должен умереть!
- Дюк Ньюкем маст дай!
- Убирайтесь к себе в Новгород, здесь лимит для вас исчерпан.

Умеющие свистеть дружно засвистели. На лицах интеллектуалов потише сияла томная улыбка беззащитного наслаждения от осознания факта пребывания в среде правильных людей. Единение несогласных было полным.

– Окружай, – приказал Литвин командиру взвода, и городская стража умелась в проулки оцеплять Семестров двор.

Дружинники выстроились в две шеренги напротив фасада. Вид конных ратников в надвинутых на глаза шлемах, в тёмных, побитых кольчугах, со щитами и поднятыми копьями притушил абсолютно беспочвенный оптимизм креативного класса. Выражение ликования на физиономиях завсегдатаев ВУЗов и менеджеров обратилось в праведную ненависть к представителям государства, осмелившегося поднять руку на самое святое – на интеллигенцию.

Пока инсургенты дружно выдыхали и их коллективный разум ворочал ганглием, Литвин зычно оповестил:

– Ваше время закончилось. Кому жить охота, пусть выходит, не вынося с собой ничего. Оставшихся в доме будем мочить. Задержанные пойдут в тюрьму. Нары ждут своих сидельцев. Даю десять минут, чтобы покинуть дом и разойтись. Потом по вам начнёт работать ОМОН. Время пошло!

Теперь попрятались и коренные владимирцы. Остались самые упоротые, но и они подухли.

– Не имеете права, – заблеяли из окон. – Кто вам разрешил? Вы знаете, с кем имеете дело? Да вас всех уволят.

Десятка Скворца спешила. Сменила копья на булавы. Прикрываясь щитами, выстроилась перед воротами. Две тройки заблокировали у перекрёстков улицу. Пятёрка верховых с Литвином в центре образовала за спинами пешеходов широкий полукруг. Мятежники роптали из окон, но всё тише и неувереннее, ряды их жижели.

У Литвина не было часов, но ему и не требовалась точность. И мятежники не нуждались в ней, хотя часы у некоторых были. Парадная дверь распахнулась. Из особняка выскользнула стайка пёстро одетых клабберов. Протекла через загаженный двор, встала возле калитки, дрожа от утренней холодрыги и страха. Шеренга ратников пугала их до поноса. Наконец клаббер повыше и в рубашке выпущенной из портков не одним краем, а всеми двумя, но расстёгнутой снизу, чтобы было видно здоровенную блестящую пряжку в виде змеи, обвившей шест, шагнул за калитку. Остановился в нерешительности.

«Щас я ему», – наметил точку на лбу клаббера Михан, перехватив поудобнее булаву.

Сотник Литвин прочно сидел в седле, ощущая себя в центре движухи, наслаждаясь полнотой власти над личным составом. Чувство уверенности, вернувшееся в отсутствие командира Щавеля, заполняло сотника до краёв. Утрачивать его, подчиняясь приказу боярина мочить всех везде, было невыносимо.

«Шёл бы ты лесом! – с ненавистью подумал сотник, исторгая прочь унижительную ревность. – Я сам решаю. По ситуации. Ситуация позволяет мирное решение проблемы. Обойдусь без твоих людоедских мер».

– Пропустить, – громко, чтобы слышали не только в особняке, но и окружившая его городская стража, распорядился Литвин.

Клаббер вопросительно заглянул в скрытые шлемом глаза рослого омовца напротив.

– Иди, – мотнул головой Скворец.

Клаббер, а за ним вся его шобла трусцой пробежали мимо щитов, меж верховых, чьи огромные кони постукивали копытами и жутковато порывивали, просквозили до заслона, но ратники пропустили и там. Прощуршали по стеночке и скрылись за углом.

На улице Старика Батурина повисло напряжённое молчание. В доме всё затихло, но там что-то происходило. Оттуда наблюдали. Поскольку клабберы избегли расправы, прочие тоже решили, что выйдут сухими из воды. Шайка беженцев, привыкших уносить ноги, выкатилась за ворота и устремилась прочь. Их беспрепятственно пропустили. Потянулся креативный класс. По одному, по двое, по трое, компаниями покидали особняк и уходили.

Литвин надзирал за исходом со мстительным злорадством, покусывая усы. «Топтать тебя конём! – торжествовал он. – Ты хотел, чтобы я залил улицы кровью? А вот, вишь, без крови обошёлся. Я лучше знаю службу, живоглот старый. Тебе бы всё человечину жрать. Слава Отцу Небесному, я не такой».

На апогее возвышенных помыслов, когда личный состав расслабился и даже кони стали фырчать добрее, из особняка выбрался преподавательский состав. Это были разных лет, от средних и выше, степенные, но совестливые люди, воспитанные жить не по лжи и учить молодых. Убедившись, что риска нет, они с достоинством покинули место протеста и вышли к силовикам.

– Спасибо, друзья!

– Спасибо, что вы с нами!

– Мы знали, что добро победит.

– С благодарностью и надеждой, – к Литвину безбоязненно подошёл пожилой бородастый толстяк. – Мы всё понимаем, давно знаем и глубоко уважаем Декана Ивановича. Вышло недоразумение. У нас традиция отмечать окончание учебного года студенческими пирушками в таком, знаете, тесном семейном кругу. Мы все как большая семья. На сей раз ребяташки перестарались, хе-хе. Бывает. Мы принесём извинения Декану Ивановичу, и он нас простит, как уже бывало раньше. Он нам как отец родной. Спасибо вам за всё.

– Не за что, – не смог сдержаться Литвин, чьё сердце исполнилось теплотой от осознания правоты принятого вопреки приказу Щавеля решения.

– Позвольте пожать вашу мужественную руку!

Литвин не смог сдержаться и пожал руку совестливого интеллигента.

Михан из любопытства оглядывался на разговор предводителей. Когда он увидел, как сотник ручкается с мятежником, сначала ничего не понял, но потом решил, что так и надо. В отличие от молодого, остальные дружинники стояли в строю не крутясь, зорко приглядывали за контингентом, контролировали обстановку, и когда диссиденты деликатно и застенчиво полезли рукопожиматься, никто из воинов не повёлся. Только Михан, по примеру начальства, не счёл зазорным. Кинул на петлю булаву и дал потискать длань каждому. Он стоял на левом крае шеренги и как бы провожал уходящих к центру города преподавателей.

«Какие чистые, благородные люди!» – с восхищением подумал парень.

Прежде сын мясника никогда в жизни таких чувств не испытывал.

Глава четвёртая, в которой командира Щавеля обсуждают каждый на свой лад, а Михан определяется и получает наставление

Когда силы правопорядка зашли в особняк, они нашли полтора десятка мертвецки пьяных мятежников, брошенных товарищами на произвол судьбы. Изгнанные силы добра оставили после себя кавардак и срач, будто в хоромах целый месяц гуляла банда вехобитов. Покинутые явно с пропагандистской целью инсургенты храпели громко и нагло, даже в алкогольном коматозе выражая свою несогласную позицию и продолжая антиправительственную агитацию.

Бесчувственные тела уложили на телеги, охотно предоставленные соседями, которым осточертела ночная кутерьма, и отвезли на централ.

«Похмелье в тюрьме, что может быть хуже?» – Литвин счёл наказание достаточным. Любая мысль о командире Щавеле вызывала у набожного и рукопожатного сотника неприязнь к пролитию крови.

Чувство усугубилось, когда с зачистки сквота возвратился отряд, пахнувший гарью, ихором и потом. Ратники скалились, подначивали друг друга, у многих на запястьях появились часы и браслеты, а на пальцах золотые перстни, снятые с менеджеров. Весёлая прогулка принесла им богатую добычу, тогда как дружинники, работавшие под началом Литвина, остались ни с чем. Войско опять разделилось. Сотник заметил осуждающие взгляды, которые бывшие с ним люди бросают на него. «Хоть беден, но честен», – Литвин стиснул зубами ус и бодрячком подвалил на доклад к засевавшему в канцелярии Щавелю, чтобы назло ему отчитаться о гуманно проведённой операции.

Боярин выслушал с видом полного безразличия.

– Семестров бы оценил, – только и молвил он по завершении доклада.

– Считаю, что это была самая разумная тактика, – Литвин выпятил грудь, благодарность бородатого гуманитария грела душу. – Хоромы целы, жертв нет, пьяные протрезвляются. Когда проснутся, пусть идут на все четыре стороны.

– Это гниль на здоровом теле, – обронил старый лучник. – Её можно только вырезать, чтобы гангрена не распозлась и не погубила весь организм.

Литвин был готов отдать на отрезание любой из пальцев, лишь бы узнать, что думает сейчас Щавель. Однако помыслы боярина крылись за каменной стеной его совершенно непроницаемого лица. Сотник подумал, что, наверное, только так можно было дожить до преклонных лет, будучи первым соратником князя, из отряда тех, кто посадил светлейшего на престол и нагибал под власть Лучезавра Святую Русь.

– Ступай к бойцам, послезавтра выходим, – распорядился Щавель, претворяя в действие заранее намеченный план, о котором не счёл нужным ставить в известность Литвина.

«Пусть будет как будет», – подумал Литвин и покинул канцелярию с величайшим уважением к себе за то, что удержал позицию гуманизма, и с облегчением, что ничего за это не было.

На проходе он встретил Михана. Единственного из дружинников, как приметил с коня Литвин, рукопожавшегося.

– Ну что, стажёр, – с заразительным менеджерским задором воскликнул сотник. – Поздравляю с посвящением! С этого дня ты действительный кандидат в дружину. Заслужил. Желаю успехов!

– Слава России! – вытянулся во фрунт Михан, не веря своим ушам. Он не думал, что это будет так легко.

И под взглядами обалдевшего на тумбочке дневального раба и отдельных ратников, зыркавших из спального расположения, сотник пожал Михану руку.

* * *

Патрулирование улиц принесло плоды – напуганный обыватель носа не высовывал. В городе наступила тишь да благодать.

Чтобы осознать новое своё положение в отряде, сын мясника покинул спальное расположение. Надо было подумать, осмотреться, взглядеться в себя. Он отправился на конюшню, где мог найти общество обозников да скота наподобие лошадей и рабов. Там было всё же легче, чем в окружении ратников, людей суровых и непочтительных.

На телеге Михан застукал Филиппа склонившимся над кипой листов буроватой греческой бумаги, по которой он энергично черкал толстым шведским карандашом.

– Что это ты тут пишешь?

От неожиданности бард вздрогнул, подхватил записки. Из середины выскользнул лист и спланировал к ногам Михана. Парень быстро нагнулся, опередив на полсекунды восторженно-встрепающегося барда. Скользнул взглядом по странице.

РОСТОВЩИК

(историческая трагедия в трёх актах)

Действующие лица

Едропцмед Одноросович Недрищев, ростовщик.

Филарет, настоятель храма.

Щавель, боярин, посланник Н-ского князя.

Лузга, приспешник его.

Литвин, сотник.

Жёлудь и Михан, гридни.

Степаныч, ключник.

Водяной директор, главный должник.

Квазимодо Зяблик, Крохобор Зимородок, Удав Отморозок, братья-разбойники.

Мажордом Снегирь, отец их.

Нелимит, девка.

Слуга трактирный.

Гребцы, купцы, мещане, быдло.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

Замечания для господ актёров

– Оперу пишешь? – поинтересовался Михан, дочитав содержание до конца. – Про нас, вижу, написал.

– Оперу я не пишу, – с неудовольствием отвечал Филипп, закладывая за ухо карандаш. – Пьесу. Придём в Великий Муром, я её знакомому режиссёру отнесу. Хочу, чтобы поставили на подмостках городского театра, а мне слава, почёт и деньги.

– Много платят? – заинтересовался парень.

– Если поставят, на время из денег выйду.

При мысли о достатке Филипп улыбнулся, как наевшийся сметаны кот.

– Вот смотри, – с воодушевлением воскликнул он. – Какую я сейчас сделал великолепную сцену. Разговор между Литвином и Щавелем перед сожжением имения ростовщика.

– Так не сжигали мы ничего, – удивился Михан.

– Да какая разница! – с досадой отмахнулся Филипп. – Это же историческая трагедия. Трагедия, понимаешь! Нужно шоу, аттракцион. Яркое, эффектное действие для публики, чтобы она не скучала. Если не будет неистовой игры красок, пьесу не купят, а мне нужно её продать, потому наполняю произведение условностями, важными для постановки на сцене. Ростовщик всё равно погорел, спалившись на беспределе, верно?

– Было такое, – не смог отрицать парень.

– Во-от! А я образно то самое показываю, образно. Не говорю напрямую, а показываю. Спалился – нате вам пожар.

– Улавливаю. Но ведь решат, что на самом деле сожгли.

– Публика поймёт метафору правильно. В театр ходят искушённые в высоком искусстве господа, не лапотники тупые.

Филипп манерно отставил руку, расправил плечи, продекламировал с пафосом:

– Литвин говорит Щавелю: «К чему палить роскошный дом Недрищев? Он князю послужить вельми готов». Щавель: «Заразу ростовщичества на Русь не допущу ни за какие деньги. Лузга, неси огонь!» Лузга: «Окстись, боярин, не пали шалман, в нём лантухов блатных до самой крыши, клифты, котлы, полотна, мебели». Щавель: «Я не хочу тех материальных благ, каких любой мужлан добиться может. Гонясь за ними, славы не стяжаешь».

– Это Кристофер Марло, «Парижская резня», – заметил Михан.

– Чего-о? – Филипп не сразу сообразил, что говорит парень, а, когда въехал, вытаращил глаза. – Тебе-то откуда знать?

– В школе проходили. На уроках литературы в старших классах.

У Филиппа глаза на лоб полезли.

– Ты чего, в эльфийской школе учился?

– В обычной. У нас в Тихвине во всех школах эльфы учителями работают, мужиков почти нет. Только человеческие предметы, труд, физкультуру да начальную военную подготовку люди преподают.

– Охренеть, – Филипп выдернул из-за уха карандаш и вымарал последние строчки. – Если парень из ингерманландской чащобы узнаёт реминисценции к «Резне», Марло в моей пьесе делать нечего!

Повычёркивав весь плагиат, бард посмотрел на лакуны и призадумался. Без выгнанного классика текст опустел.

Чтобы не смущать творца, Михан быстро отчалил. Работает человек! Весь как есть в творчестве, и сбивать такого с мысли – великий грех. Так объясняла в школе учительница литературы – укрывающаяся тёплым клетчатым пледом духовно богатая дева Козинаэль, чей матэ давно остыл.

Михан двинулся вдоль денников и обнаружил один открытым. Там чистил белого в яблоках скакуна старательный мужик, явно из цириков. Он был одет в зелёные форменные портки-бутылочки, заправленные в высокие и как будто парадные сапоги с голенищами без единой морщинки, начищенные до зеркального блеска. Атлетический торс мужика бугрился прокачанными по системе шведской гимнастики шарами мускулов, обтянутых исподней рубахой. Из-под ворота рубахи проглядывал висевший на толстой серебряной цепи серебряный же пен-таграмматон IDDQD. Изрядную раннюю плешь мужик умело скрывал, выбривая череп начисто.

«Конюх тюремный?» – подумал Михан.

Конюх обернулся. У него был крупный нос картошкой и пытливый взгляд.

– Чего смотришь, спросить что-то хочешь? – осведомился он.

– У тебя, что ли? – не полез за словом в карман парень.

– Хотя бы у меня, – с вызовом ответил мужик, опуская щётку и разворачиваясь к Михану.

– Да я ничего, – сдал назад парень.

– Ты с дружины?
– Типа того. С дружины.
– Здорово сегодня ваши москвичей погромили, – одобрительно заметил мужик.
– Было дело, – Михан не стал обозначать свою позицию по вопросу личного участия в погроме.

– Был там?
– Был, – не стал вдаваться в подробности Михан.
– Убивал? – в глазах мужика вдруг заиграл какой-то незнакомый лесному парню, но чрезвычайно живой интерес.

– Убивал, – пожал плечами Михан, не врубаясь, к чему относится вопрос.
– Вехобитов видел?
– Возгоняли на днях, – как о чём-то само собой разумеющемся поведал парень. – «Медвежат» гоняли пару раз в этом походе. Я самолично их секрет вырезал, – похвалился он и вытащил из кармана бязевый платок с вышивкой лейбштандарта повелителя Озёрного Края. – Эвон, трофей!

Михан протянул платок мужику, а тот шагнул навстречу, изучил вышивку, мотнул головой.

– Серьёзно, – с заметным уважением сказал он. – Ты стажёром в дружине светлейшего князя Лучезавра?

– Действительным кандидатом! – весомо заявил парень и представился для пущей учтивости. – Михан.

– Элджей, – представился мужик. – Кат.

– Ты что, поляк?

– Шляхтич, – с достоинством поправил мужик.

– А говорят, тут все вологодские.

– Все вологодские, – подтвердил собеседник. – Но не я.

– И я не отсюда, – сказал Михан. – Не с этих краёв.

– Я тоже не здешний.

– Я в дружину пошёл, чтобы к людям пристать.

– Младший в семье? – с пониманием спросил Элджей.

– Старший. Никогда с отцом не ладил.

– Странные вы русские. Никакого порядка. Я бы остался, но я третьим сыном был. Владу как старшему хозяйство причиталось. Отец его постоянно при себе держал и управлять натаскивал. Ежи, второй брат, по закону, чтоб землю не делить, должен был стать священником. Его отправили учиться и сделали кастратом в хоре. Мне ничего не досталось, кроме коня, седла и сабли. Отец сказал, езжай на Русь, там земли много, бери и владей.

– Ты аж досюда доехал, – ухмыльнулся Михан. – Ближе земли не нашлось?

Элджей посмотрел на молодца слегка исподлобья, помолчал, подбирая слова, молвил вдумчиво:

– Земли нигде много не бывает. Всегда есть хозяин, который не любит понаехавших.

– Я в земле копать не рождён, – сказал Михан. – Я сын мясника. Я для другого рождён.

– Я тоже, – сказал Элджей. – Но я узнал, что сабля прокормит недолго. Мало кто из наёмников доживает до седины.

– Воевал? – спросил Михан.

– За пана Качиньского в кампании двадцать седьмого года. Но пан пал под Смоленском, а я чудом не пропал. Не знаю, как не разметало мои кишки по кустам, но воевать охоту напрочь отбило. Ныкался-мыкался, пока до Муромы не дошёл, да там, как я, знаешь, много таких... Повезло сюда вернуться.

– А я в Великом Новгороде буду служить! – похвастался Михан.

– И тебе повезло, – согласился Элджей. – В дружину просто так не берут. За тебя замолвил кто?

– Дядя Щавель, мы с ним земляки. Вместе из Тихвина пришли князю служить.

Элджей вскинул брови.

– Знаешь Щавеля?

– Он меня с пелёнок знает. Я с его сыновьями в детстве играл. Жёлудь, младший его, тоже с нами, я с ним в одном классе учился.

– Слышал про ваш поход, – многозначительно отпустил Элджей.

– Чего слышал-то?

– Щавель – это железная метла, которой князь вычищает свои владения. Вот что о нём люди говорят. Выметет, поставит в угол. Сор накопится, князь достанет и опять прибирается.

Михан опешил.

– Такой человек – вещь в хозяйстве полезная, – с крестьянской основательностью рассудил Элджей. – Важно быть на своём месте. Важно дать понять, что без тебя не обойдутся. Так можно быть хоть кем.

– Кем?

– Да кем хошь. Если ты на государственной должности, будь хоть кем. Ты всё равно при деле, пользу приносишь. Будь ты хоть писарем или...

– Палачом, – подколот Михан.

– Палач – вещь в хозяйстве полезная, – рассудительно сказал Элджей. – Палач – нужный инструмент реализации государственной власти. Не менее важный, чем дружинник или тюремщик. Кому-то необходимо выполнять на завершающем этапе роль инструмента правосудия. Только вы, дружинники, работаете в лесу, а палач работает в городе.

– Чего ж тогда в палачи идти не рвутся? Заподло считают.

– Считают те, кто не в теме. Обыватели, небыдло всякое. Те, которые сами могут в любой момент оказаться на плахе. Они смотрят и боятся, а когда обыватель боится, он от бессилия начинает злословить. Их слова льются в уши таким же дуракам, а дурак принимает на веру всё услышанное, – поживший в городе образованного класса Элджей хорошо разбирался в вопросах клеветы.

– И как тогда?

– Не слушать. Дело делать. Сознать своё место в системе, на котором работаешь с пользой для общества. Дело палача – дело нужное. Когда власть регулярно подносит к рылу обывателя окровавленный топор, берега начинают видеть даже самые отморозки. Всё просто: выполняй служебные обязанности хорошо, учись своей специальности надлежащим образом. Самообразование никто не отменял. Молись Пентиуму, не забывай про Интернет. В остальном система о тебе позаботится. Это взаимовыгодный процесс для обеих сторон.

– Ага, – кивнул Михан.

Он не всё понял из того, что услышал, но что-то самое важное запало ему в душу.

– Всё так, – подтвердил мужик.

– Спасибо за науку.

– Удачи! – Элджей протянул руку и Михан с чувством глубокого удовлетворения пожал её.

За воротами конюшни парня поймал бард Филипп.

– О чём вы с ним тёрли?

– Да так, за жизнь, за службу.

– За службу, говоришь. Ты знаешь, кто это?

– Элджей, – с недоумением ответил Михан. – Чё не так? Конюх он какой-то.

– Конюх! – презрительно фыркнул бард. – Ну ты даёшь...

– Чё ты ржёшь, кобёл? – окрысился Михан. – Он просто хорошо делает свою работу.

Морду деятеля искусств перекосило, будто он поел кислого.

– Это же кат, – снисходительно известил Филипп. – Исполнитель приговоров Владимирского централа. Самый лютый на Святой Руси палач!

Глава пятая, в которой к Щавелю на приём являются просители и главный из них ведёт мутные базары

Михан вернулся в казарму с ощущением потерянной невинности. На шконке сидел Дарий Донцов и вещал, а перед ним развесили уши ратники. Парень влился в коллектив, и удачно – раб только начал рассказывать.

– Жил на Москве добрый молодец. Жил не тужил, на шее у родителей сидел, с людьми не знался, в спортзале качался. Имени его нам история не донесла, да что нам в имени его, если вся сила в правде, а не вся правда в силе? Известно лишь, что на тренажёрах и богатом питании вырос добрый молодец столь могуч, что мог взять лом, вокруг себя перегнуть и узлом завязать. Так его и прозвали – Ломом подпоясанный. И вот говорит ему отец: «До свиданья, сынок, наш окончился срок. Жили мы с матерью счастливо и умрём в один день. Больше ты на нашу пенсию не рассчитывай, крутись как хочешь». Вознегодовал Ломом подпоясанный на весь мир от такой жестокой несправедливости, что аж язык себе перекусил. Не знал он никакого ремесла, кроме режима тренировок и спортивной диеты, да только без языка фитнес-тренером не поработаешь, а тело своё холёное на поругание глиномесам продавать уж было больно невмочь. И стал Ломом подпоясанный ночным сторожем. Долго ли, коротко ли, отторгла его Москва. Такое бывало в стародавние времена сплошь и рядом со всеми, кто не сумел вписаться в коллектив и не был готов к продуктивной работе в условиях растущих вызовов. Даже на едином языке Ломом подпоясанный балакать не научился, потому что изо рта его вырывались лишь мычание и лай. Продал он отчий дом да уехал в глухие края близ Архангельска, где летом плавают льдины, и попробовал устроиться в рыбацью артель. Но не приняли поморы удалого москвича, чего-то он им не глянулся по своим личным качествам. Горд и заносчив оказался добрый молодец суровым северным мужикам. Хотел Ломом подпоясанный на льдине уплыть на Новую Землю, где с испытательных времён фонит божья благодать, но льдину обратно прибило. За то прозвали его острые на язык архангельские мужики Один на льдине да отвернулись от него. Так он и ходит теперь по посёлку, обожжённый морозом, и собаки кусают его за тестикулы.

На секунду в спальном расположении повисла тишина, потом ратники загомонили все разом:

– Да ну тебя. Финал какой печальный. Давай придумай повеселей что-нибудь.

– Нивапрос! – легко согласился раб, обвёл глазами дружинников, заглянул Михану, казалось, в самую душу и dokonчил: – Не прижился добрый молодец среди рыбаков-поморов и отправился в северную столицу, а в Архангельске его заманили калачом, и стал он палачом.

– От это занятие по нему! Такой только в палачи годится. Доброму молодцу доброе дело! – одобительно высказались дружинники.

Шкурным чутьём бесконтактного осязания, функционирующего благодаря особым рецепторам на коже, Михан ощутил, как затылок ему сверлит бесплотный буравчик. Михан обернулся. За спинами ратников примостился Жёлудь и зырил на него насмешливым, всепонимающим взглядом. Молодец не вытерпел, протиснулся вовне.

– Чего смотришь, спросить что-нибудь хочешь? – наехал он.

С каждым днём Жёлудь нравился ему всё меньше. Молодой лучник ходил на боевые чащи и Михан завидовал такому превосходству. С отречением от тихвинских корней и зачислением в дружину пала на него мрачная тень безблагодатности. Кто в этом виноват и что теперь делать, Михан не знал, а потому винил всех и каждого, кроме себя, да ждал повода отличиться, чтобы всё наладилось.

– А ты, любопытный, – молодой лучник взирал на товарища по детским играм, будто вынес оценочное суждение не в его пользу.

«Словно из лука целится», – Михану расхотелось спорить, он потупился и отошёл.

«Обосрался», – подумал Жёлудь.

Словно приветствуя наступающий час заката, в общей камере Владимирского централа закричал раненый под хвост петух.

* * *

На административном этаже городской управы, из которого выселили баб с детишками и челядь городничего, сделалось тихо. Щавель сидел в отдельном кабинете и писал доклад светлейшему князю. Командир выдержал ровно сутки после разгрома гнезда поганых манагеров, чтобы впечатления улеглись, но не заржавели, и к ним добавились дельные соображения, продукт протрезвевшего от крови ума, и плоды последующих наблюдений.

«Предательского же Семестрова именем твоим и властью твоею, светлейший князь, я с занимаемой должности сместил, ибо всё равно он был негоден, поскольку в моём присутствии повредился рассудком окончательно, а в малости, должно быть, омрачался главой ещё в те времена, когда задумал вступить в преступные сношения с Великим Муромом. Временно исполняющим обязанности городничего я назначил Волю Петровича Князева, раба твоего, коий безупречною службой своею доказал справедливость некогда сделанного тобой выбора. Низложенного же Семестрова Д. И. поместили под стражу в одиночную камеру тюремной больницы под неусыпный надзор и положенное в таких случаях медицинское обслуживание, как то оборачивание в мокрую простыню, привязывание к койке, дубинал».

В дверь торопливо и негромко постучали. «Пособники его... Ведь в городе знали о его изменничестве, но князю не донесли... пособники. Пособников выявить, не мог Семестров действовать один», – Щавель попытался сформулировать фразу, но в дверь постучали снова. Щавель тряхнул головой и прислонил перо к краю чернильницы. Не без малодушного удовлетворения встретил повод прерваться, сжал и разжал кулак. От долгой писанины пальцы затекли и побаливали.

– Не заперто, – громко сказал он.

С той стороны помедлили. Затем дверь приоткрылась.

– Можно?

«Можно Машку за ляжку, можно козу на возу,» – машинально промелькнуло в голове, но атмосфера присутственного места и продолжительные канцелярские упражнения взяли верх над привычкой, и он ограничился кратким:

– Изволь.

В кабинет бочком-бочком протиснулись гражданские лица. «Как допустили без доклада? – возмутился в Щавеле тихвинский наместник, но старый опытный воин возразил: – Тут муниципалитет, сюда вход свободный». Держась за рукоять ножа, Щавель разглядывал посетителей.

Их было трое, и каждый представлял особый тип интеллигента, при виде которого даже у атамана казачьего войска Сибирской Вольготы возникло бы неистребимое желание взять и рубануть.

– Многоуважаемый боярин Щавель? – посетители остановились на полпути, умело выдерживая дистанцию. Посредине и чуть впереди высился грузный муж с одутловатым ликом, мешками под глазами, коротко стриженной бородой и зализанным причесом. Когда он говорил, от него несло вчерашней сивухой, а от всех разом нестиранным нижним бельём.

– Кто вы, с чем пожаловали? – осведомился Щавель, пытаясь ухватить за хвостик ускользающую мысль, но не поймал.

Свободный стул в кабинете имелся только один, да и уравнивать с собой интеллигенцию боярин не хотел, поэтому просители остались стоять. Им, впрочем, было не привыкать всю жизнь ходить с протянутой рукой, согбенной спиной и заискивающим заглядыванием в лицо начальству. Нравы во владимирских вузах наработке того способствовали.

– Мы представляем люстрационный комитет Владимира и выступаем от лица неравнодушных жителей нашего города, – вдохновенно понёс муж. – В наших силах, пока ещё в наших, – с некоторой скорбью оговорился он, – не допустить, чтобы во Владимире стали править бал компрадорские наймиты Железной Орды и примкнувшие к ним проститутки из числа русского, – муж горько вздохнул, – пока ещё русского народа.

Он закончил с таким звенящим драматизмом, что Щавель проникся уважением к ораторским способностям главаря комитета. Перед ним выступал матёрый преподаватель, умеющий увлечь аудиторию любой пустой болтовнёй, филолог, а то и философ!

– Что значит «пока ещё русского»? – старый лучник умело сбил красноту на взлёте, чтобы тот не сумел увлечь своим голосом в непонятки. Примороженный взглядом Щавеля, он не сразу нашёлся, что сказать.

– Мы требуем расследования, – докладчик дал в тормоза. – Мы просим разобраться. Вот составили проскрипционные списки... чтобы дезавуировать пятую колонну. Здесь перечень преподавателей-басурман, – муж спохватился, отделил от пачки верхний листок и тут же обрёл некоторую уверенность, как уцепившийся за бревно утопающий.

– Басурмане? – спросил Щавель. – Что ты хочешь этим сказать?

– Как есть басурмане, косоглазые, из Орды понаехали в Великий Муром, но там вакансии не нашлось, вот они и к нам. Это всё Декан Иванович развёл. Ему технический уровень важнее подачи материала. Чему басурмане могут научить молодёжь? – воскликнул муж, вновь оседлав любимого конька. Он выхватил из пачки новый листок и чувствовал себя как пловец, держащий подмышками два бревна – вроде бы стрёмно на стремнине, но вроде уже и не очень. – А молодёжь научилась. Вот список аспирантов. Вот список студентов старших курсов, разделяющих политические воззрения ханских зашланцев, стремящихся сбить Святую Русь с её особого пути, – в руках пловца оказался целый плот. – Молодёжь стремительно отдаляется от исконной русской духовности в сторону бездушной басурманской машины, в сторону пара и железа. Эти так называемые заклёпочники, сосредотачиваясь на деталях, упускают из виду картину в целом. Они подменяют философию бездушным математическим анализом. Такой порочный подход может далеко завести и завёл уже идеологически неподкованные умы. Вот список работ студентов...

– Ты кем работаешь? – перебил Щавель.

– Преподаю историю русской литературы во Владимирском ордена Владимира Великого Политехническом университете имени великого князя Владимира, – гордо протараторил муж.

– Давай сюда свои кляузы.

Муж подобострастно склонился, двинулся к столу, перебирая бумаги.

– Вот здесь показания преподавательского состава. Некоторые из нижеподписавшихся присутствовали на стихийной вечеринке в особняке Декана Иванoviча, но они раскаялись, – заверил муж.

«Показания, – Щавель пробежал глазами несколько страниц с однообразными «принимая во внимание обстановку, сложившуюся на кафедре» и «спешу донести до Вашего сведения». – Грамотно-то как. Удобно иметь дело с образованными людьми».

– Отнесите Князеву, – скрывая брезгливость, придвинул командир листы ябеднику. – Почему вы явились ко мне?

– Вы комиссар светлейшего князя и зарекомендовали себя как бескомпромиссный борец с врагами русского народа, а Воля Петрович хоть и назначен на должность городничего, но, по сути, простой вертухай и, кроме того, раб.

От такой незамутнённой подачи Щавель аж приморозился.

– Принимая во внимание ряд немаловажных факторов, мы хотели сначала обратиться непосредственно к вам, чтобы вы дали ход...

– Он даст ход, – заверил Щавель. – Я распоряжусь. Ступайте.

Преподаватель истории русской литературы отступал задом, кланяясь. Бумаги остались лежать на столе. Щавель не возражал.

– Вы уж утвердите, многоуважаемый боярин, – кланчил он.

Добравшись до поделщиков, муж остановился. Судя по обеспокоенным ромам, визит не обрёл законченности.

– Что вам ещё?

– Насчёт имущества.

– Какого имущества?

– По спискам же!

– За выдачу награда, за укрывательство казнь, – отчеканил стоящий справа челобитчик в коричневом лапсердаке. – Согласно статье двадцать пятой Уголовного Уложения Святой Руси, имущество осуждённых за политические преступления подлежит конфискации в казну, а лицам, совершившим добровольную выдачу виновных до начала следствия, положена выплата в размере...

– Я знаю право не хуже тебя, – Щавель прижал его взглядом так, что глашатай Закона проглотил последние слова и не мог ни пикнуть, ни вырваться, словно мышь под метлой. – Что положено – будет. Всем, кому положено. Вы свободны.

Троица задвигалась спинами к двери, на каждом шагу прикланиваясь.

«Какие бездны разверзаются в мирном с виду городке, – думал Щавель, мертвящим взглядом провожая визитёров. – Это от граничащего положения с Великой Русью или от избытка учебных заведений?»

Когда люстрационный комитет удалился, оставив в комнате амбре, которое Щавель взял на заметку, чтобы определять присутствие интеллигенции, старый лучник распахнул форточку. Он долго стоял у окна, глядя на внешний двор Централа, пытаясь нащупать важную мысль, но она ускользнула как вода сквозь пальцы, уткнула в реку забытых мыслей, и следа от неё не осталось.

«Есть люди, распространяющие забвение, даже если они призваны распространять знания, – с грустью подумал Щавель. – Что-то на меня плохо место влияет. Надо уезжать из Владимира. В поле, в лес, под вольное небо! Есть люди, которым силу даёт город, а есть, у которых забирает. Хорошо, что я не остался при дворе светлейшего князя. Лучезавр сам чуял, как маетно в кремле, только он привык, а я нет. Что же я такое думал-то? Про князя вроде или про Русь?»

Щавель вернулся к столу, перечитал доклад. Взял перо и решительно дописал:

«В массе своей учёные мужи города Владимира ясноглазостью граничат с эльфами из Академгородка, иные же превосходят эльфов. Они отвыкли чувствовать ответственность за базары и не задумываются, какой отклик их слова могут вызвать у слушающего. Они всецело поглощены собственными хотелками, обращая внимание вовне только на коллег, чтобы вовремя уловить, когда конкурент начнёт получать преимущество, дабы сделать ему подножку».

Но это было всё не то, не то.

Глава шестая, в которой выскопоставленный раб сетует на тяготы оков, а шаман Мотвил получает целительное средство

– Быстро они сориентировались, – Князев сидел в своём кресле, а Щавель напротив, на столе между ними лежали работы люстрационного комитета. – Ещё вчера в доме Семестрова барагозили, а сегодня заяв целую десть принесли.

– Подготовившись были, – обронил Щавель.

– Основное, конечно, заранее, но оформляли сейчас. Небось, целую ночь переписывали и по домам ходили подписи собирать.

– А как ты хотел? Во Владимире преподавать самые талантливые остаются, да из самых талантливых самые работоспособные, а из них самые пробивные на преподавательских местах удерживаются. Отсюда такая производительность и умение держать нос по ветру.

Воля Петрович усмехнулся, будто колода расщеперилась.

– Ты, боярин, местную специфику тонко понимаешь. Бывал тут?

– Проездом, – сказал Щавель. – Как сейчас. Да и так с вами ясно. Я у эльфов живу, там ровно то же.

– Профессора своё дело знают. Сразу к тебе кинулись, просекли, что ты вопросы решаешь, а не твой сотник, хотя он больше на виду.

– Таланты и могучие умы, – покивал старый лучник. – Таланты и умы. Когда весь интеллект тратится на интриги, результат получается несравненно лучше, чем если бы использовался для науки. Видишь, что получается, – кивнул он на труды комитета. – Ты уж с доносами разберись, пусть не городская стража, а твоя оперчасть займётся, потаскают по спискам на допросы, упорствующих в камере подержат. Только без насилия над личностью, больше трёх суток не держи, а то у интеллигентов крыша съедет. Дай тюремного воздуха понюхать и довольно с них. Начнут друг дружку оговаривать – исполать им. Удержатся – пусть так, отпускай на волю. Иначе сорвёшь весь учебный план на следующий год, а это светлейшему князю убыток.

– С басурманами что делать?

– Басурман на цепь и в общую хату, пусть твои урки наушничают. Пока всех русских не допросишь, басурман в камере не трожь, собирай компромат. Потом определяйся по материалам дела. Если греха на них нет, пусть дальше преподают. Или уходят, если захотят уйти. Обрати внимание на железячников или как их там. Секта есть такая в Политехническом. Короче, всё связанное с железнодорожным ходом пресекай на корню, ибо сие есть преступление против устоев Святой Руси. Железячников надобно в железа заковать... Вот – заклёпочниками их называли. Запомни это слово, заклёпочники. Этих допросить с испытанием. Аграриев и гуманитариев не трогать, пусть себе. Имущество осужденных конфисковать и четверть конфиската разделить между нижеподписавшимися кляузниками. Приказываю раздать прилюдно. В городской газете огласить весь список с похвальбой от главы города и от меня лично. Пусть знают своих героев. Не тани со следствием, виновных ещё на княжеский суд везти.

– Есть, – без особой охоты буркнул Воля Петрович и вздохнул. – Полгорода знакомых. На тюрьме вкалываешь, как гребец на галёре, теперь муниципальные дела все на мне. До кучи следствие навесил, боярин.

– Не ной, – оборвал его Щавель. – Через месяц-два светлейший князь пришлёт нового городничего, ты введёшь его в курс дела, и оковы тяжкие падут. Будешь дальше прессовать арестантов и казнить злодеев.

– Уж лучше с душегубами, они попроще, чем это кубло профессоров. Гадюшник. Думаешь, при Семестрове доносов не было? Жрут друг друга, как пауки в банке.

– На то и пауки в банке, чтобы кассир не дремал, – заметил Щавель. – У тебя вроде заключённые бунтовали. Как их, усмирил?

– Не бунт и был, – на ряхе хозяина даже мускул не шевельнулся. – Воры замутили голодовку, братва поддержала, а я воров в колодки ласточкой и грудью на бетонный пол. Враз рога отстегнули. Самый авторитетный первым же прогон по тюрьме и заслал, чтобы кипеш унять. Воры, они ж сливочные.

– Сливочные?

– Чтоб самим сливочное масло с белым хлебом есть, а остальные пусть голимой чернягой давятся.

По лицу начальника Централа скользнула пренебрежительная гримаса. Привычным движением он пригладил съехавшую чёлку, чтобы закрыть выжженное на лбу тавро Лучезавра.

– Ладно, потехе час, делу время, а потом хоть не рассветаи, – боярин поднялся, а за ним и раб. – Пойдём на больничку, есть к тебе одна делюга.

– Я тут чего вспомнил, – Воля Петрович достал из письменного стола папку в ладонь толщиной. – В тридцатом году у нас работала дознавательная группа из Новгорода. Опрашивали всех бывших тогда на крытке ухарей. Не только басурман, а весь контингент поголовно. Вопросы касались Орды и особенно ханской предвыборной кампании с посулами кандидатов. Вот почитай. Спецчасть тогда протоколы набело переписывала, а черновики я не уничтожил. Сдал в архив на всякий случай. Тут оригиналы, – он двинул папку через стол. – Завтра дежурного за ними пришлю.

– Благодарю, – Щавель подумал, что начальник тюрьмы всеми силами старается удержать его в городе, до того неохота оставаться супротив образованного класса, имея лишь роту нерадивой стражи и огромную ответственность в виде Централа с беспокойными зэками. Случись новый бунт, непонятно будет, то ли кидать все силы против несогласных, то ли тюрьму охранять и самому в ней прятаться.

Портфель из кожи молодого бюрократа был снова извлечён на свет. Укладывая в его жадно распахнутые недра папку, Щавель решился.

– Смотри, какая толстая. Не осилю за сегодня. У меня ещё доклад не готов. Задержимся во Владимире на пару дней, заодно порядок на улицах укрепим. Надо, чтобы дурни после вечеринки в чувство пришли и тебе не понадобилось в Великий Муром за подмогой слать.

Посмеялись, вспоминая о косяке Семестрова. У Щавеля даже мелькнуло подозрение, что городничий был не так уж неправ. Со своей колокольни, конечно, но рассуждал он здраво: Великий Новгород далеко, Великий Муром близко. Местоположение решало. Чтобы у нового городничего не возникало соблазна, следовало немедленно усилить гарнизон ещё одной ротой, набрав из дальних районов княжества, и к осени довести численность стражи хотя бы до батальона. Великая Русь была мирным соседом, но до того большим, что искушения от неё исходили также великие.

Зашагали через двор к больнице. Воля Петрович заметно повеселел.

– Ты, Воля, пока я здесь, закрой-ка вход посетителям в административный корпус. Мне новые ходки нахрен не нужны, а они, чую, будут. Сейчас басурманская оппозиция в Политехническом университете спохватится и принесёт свои кляузы. На них надо будет как-то реагировать. Отмахнуться нельзя – поклёп возведут они знатный, умные же все, мать их за ногу. И потворствовать басурманам нельзя. Окажемся меж двух огней.

– Тогда мне принесут. Что с ними делать?

– А давай их сегодня ночью арестуем? – предложил Щавель. – Адреса басурман в доносах указаны. Дадим делу ход, не откладывая на завтра. Пусть владимирская профессура знает, что светлейший князь не позволит сбить Святую Русь с её особенного пути и что руки у Лучезавра длинные.

– Скор ты, – мотнул головою начальник тюрьмы. – Закрою их на общак, как ты велел. Пускай уркаганы уши погреют.

– Тогда нынче готовься принимать.

– Стражу подключать будем?

– Из дежурного взвода возьмём по одному для законности. Хватать и вязать у меня есть специально обученные люди. Ты будешь пытаться и сторожить. Каждый займётся своим делом.

– Служу отечеству и князю! – ладонь хозяина взлетела к покрытой фуражкой голове. – У тебя, командир, не забалуешь.

– Напор и тактика, как говорит светлейший князь, напор и тактика.

Басурманский преподавательский состав был разменен на лёгкой ноге.

На вахте бдительный цирик тщательно разглядывал портрет в удостоверении Щавеля, сличал с предъявителем, выслуживался перед начальником. Воля Петрович ждал, не торопил, чтобы не размагничивать самим же налаженную дисциплину. Наконец цирик выдал стальной жетон, который полагалось сдать на выходе, а удостоверение спрятал в ячейку с номером, оставив в залог. Разблокировал турникет. Два самых главных лица во Владимире, один из которых был человеком, а другой живым имуществом, поднялись на больницу.

Камера Мотвила, где он обитал под присмотром знатного целителя Альберта Калужского, не запиралась. В ней пованивало, больной негромко тёр с лепилой, басовито, но слегка канючащим тоном. Действие опиумной настойки заканчивалось, а добавлять заботливый доктор не спешил.

– Чё как? – по-хозяйски зашёл в хату Воля Петрович, тюрьма делала его заметно кряжистее и как будто выше.

– Поели, – Альберт копошился у столика с пузырьками и тряпичными салфетками, прокипяченными в чистой воде. – В остальном не очень.

Действительно, оказавшись в стенах Централа, обожжённый шаман почувствовал себя хуже. Тут все были подавленными, и это сказалось.

– По поводу лекарственных средств, – поставил разговор в колею Щавель. – Излагай, о чём мы вчера говорили.

Воля Петрович обратился в слух. От его готовности сотрудничать зависело, как он возьмёт бразды правления городом в свои руки, останется ли доволен им светлейший князь и что напишет в своём докладе боярин.

– Мы тут посоветовались, – промямлил Альберт, отводя глаза. – Хорошо бы свежего нутряного сала на обожжённые места приложить. Такого, чтоб ещё не остыло.

– Тогда в нём жизнь есть, – слабым голосом поддержал Мотвил. – Самое лучшее, когда у источника живительного сала сердце бьётся.

Целитель Альберт помрачнел, поджал губы. Щавель покосился на Князева. Начальник тюрьмы смотрел на верховного московского шамана как-то недовольно, свирепо, но в то же время грустно и с недоумением.

– Когда у тебя ближайшая очередь на казнь? – спросил боярин.

– Через три недели собирались исполнить колумниста и охальника Словоблуда.

– Москвич? – с подозрительностью спросил Щавель.

– Из Тулы родом.

– Мутант?

– Не, юродивый и временами буйный.

– Впрочем, без разницы. Этому всё сгодится. Я своей волей ускорю приведение в исполнение и светлейшему князю о том доложу, – сообщил командир и распорядился: – Готовь самозванца, конвоируй на больничку, начнём немедленно.

– Палач взял отгул. У него там огород, баба...

– Обойдёмся без палача. Лепила всё по науке сделает.

О желании участвовать в богопротивном обряде Альберта Калужского не спросили. Целитель закатил глаза, отвернулся к столику со снадобьями и очертил напротив сердца обережный круг.

Глава седьмая, в которой чёрные телеги и фургон с надписью «Хлеб» увозят представителей образованного класса в застенки

– Пора твоим спецам проявить квалификацию.

Совещание проводили в канцелярии казармы – Щавель, Карп, Литвин. За закрытой дверью дневального раба сменил дружинник Храп, не отличающийся любопытством и болтливостью.

Щавель говорил, а Карп слушал.

– Собираемся здесь, на конюшне. За ворота тюрьмы никто не выходит. К ночи цирики привезут понятых, которые укажут, кого и где брать. Ты свои телеги разгружай, поедem на них, и ещё три штуки Воля выдаст. Вот адреса, – Щавель ладонью двинул листочек. – Их шесть, твоих раболовов пятеро осталось, значит, ты сам тоже поедешь. Отъезжаем все вместе, берём их скопом, нельзя, чтобы враги разбежались.

Карп засопел как задумчивый бык.

– А если дома кого не окажется?

– Подождёте. Телегу отгоните, из дома никого не выпускать. Если до рассвета не появится, то и хрен с ним, завтра повесткой вызовем. Один не страшно, нам надо весь клубок ихний захватить. Как змеи весной в кубло сбиваются, так и здесь. Только в эту змеиную яму нормальных парней кидают и делают из них... как это... студентов. А потом удивляются, откуда на Руси железная дорога.

– Понятые не разболтают? – Карп ковырял толстым ногтём столешницу, искал лазейки, в которые могли утечь враги, выискивал зацепки. – Им дома объясниться надо, куда на ночь глядя попёрся. Баба, известное дело, язык помело. По соседям растреплет, а там весь город знает.

– Риск есть, – признал Щавель. – Будем надеяться, не растреплет. Понятые предупреждены, в их же интересах слепить отмазку, чтобы басурмане не сбежали.

Через зарешёченное окно за спиной Щавеля пробивался свет хмурого дня. С такого ракурса на лицо командира легли глубокие тени. Чернота на месте лба и мрачные ямы на месте глаз показались сотнику провалами черепа. Литвин даже ус перестал кусать. Теперь он вник в смысл выражения «омрачённое чело», которое раньше считал словесным поносом бардов. Оказалось, барды не ввали, просто песни их были о вещах эпохальных. Затем сотник подумал, что по возвращении из боевого похода надо будет отомолиться в храме и поднести Отцу Небесному упитанного тельца, а то и коня, смотря, что дальше будет. Неизвестно, куда всё повернётся с таким командиром.

В Новгороде Литвину польстило доверие князя, способствующее карьерному росту. Получив казну вышневолоцкого кровопийцы Недрищева, Лучезавр остался доволен и приказал всячески содействовать инициативам боярина. Князь использовал лукавый греческий приём метафору и назвал Щавеля иголкой, а дружинников ниткой, которые латают рваную рубаху Руси. Хитрость греческого изворота заключалась в том, чего князь не сказал, а Литвин мог лишь догадываться. Если Щавель игла, рассуждал сотник, а дружина нитка, посредником между ними является игольное ушко. Штука, безусловно, важная, но чувствовать себя пустым местом было досадно. Однако служба есть служба. Щавель тоже исполнял свой долг и делал это рьяно, только на особый манер, идущий вразрез с понятиями Литвина о законе, морали и воинской чести. «Варварски», – пришло на ум ещё одно греческое слово.

– Слушаешь меня?

– Так точно! – встрепенулся Литвин, пошарил руками по столу. Ему показалось, будто Щавель поймал его за мысли, как кот убегающую верёвочку. – Виноват, задумался.

Сотник немедленно сунул ус в зубы и принялся грызть.

– Что-то ты нервный какой-то, – отметил Щавель и перешёл к делу. – Разжёвывать не буду, ты работу знаешь. Выделишь по тройке на каждую телегу. Сам сидишь здесь, командуешь. Если будут гонцы, отправляешь тревожную группу.

– В случае возникновения нештатной ситуации как быть? – постарался загладить свою невнимательность Литвин. – Допустим, особняк опять начнут громить?

– С этим справляется городская стража. Пока мы не закончим операцию, дружина занимается только ей, не отвлекаясь на постороннее, пусть даже тюрьма горит. Понятно?

– Так точно, – отрубил сотник, вливаясь в струю.

Участвовать в массовых ночных арестах ему доводилось со времён стажировки, хотя куда ловчее он проявлял себя в полевой работе с разбойниками да на зачистке местности от просочившихся из Внутримкадья менеджеров и иных опасных гадов. Литвин отлично знал свою профессию – Родину зачищать. И пусть ему не всегда нравилось, каким способом достигается результат, службой сотник гордился.

Из соседнего корпуса больницы донёсся истошный крик. Литвин вздрогнул. Вопль не прекращался. Человек орал и орал, будто его резали заживо.

Щавель деловито кивнул, будто учётик, мимо которого пронесли на склад ящик с товаром.

– Всё понятно? Вопросы есть?

– Никак нет, – бодро отозвался Литвин.

Карп ничего не сказал. На угрюмом лице работоторговца было написано «Брать!»

* * *

Понятыми были преподаватели Института растениеводства, муж и жена. Вопрос с разглашением тайны решился неожиданно просто. Многие подписанты жили семьями. У них был один круг интересов, единая работа и общий набор врагов.

«Как у эльфов, – думал Щавель, трясаясь в темноте на чёрной тюремной телеге, идти было бы удобнее, но не позволял статус. – Только эльфы увлечены бесполезными теориями, сохранёнными с допиндецовых времён, а во Владимире люди учат людей насущному, что можно применить на практике и получить реальную отдачу».

На живот давил заткнутый за ремень пистолет мастера Стечкина. Изъятый у вехобитов АПС Щавель зарядил патронами из оружейки Централа. Воля Петрович роптал, что самым стрелять будет нечем и боеприпасы на вес золота, но согласился отдать две пачки под акт о конфискации. Теперь у Щавеля был полный магазин и дюжина патронов про запас. Лезть в басурманское жилище с голыми руками не хотелось, а лук в доме бесполезен. Да и кто их этих учёных знает, от чего они заговорены. Колдовство действует на всё и только на скорость пули не влияет. Князь с категоричным запретом огнестрела остался далеко, а автоматический пистолет был под рукой. В тюремном тире Щавель выпустил пять пуль из запасов Воли Петровича, сдал гильзы и остался в целом доволен. Пистолет дал всего одну осечку. «Ещё послужит», – скептически заметил Лузга. Пусть и допиндецовый, «стечкин» удовлетворительно сохранился, а боевая пружина оказалась и вовсе новодельной. Должно быть, в Рыбинске навертели, а может, в самом Белорецке. При таком внезапно открывшемся взаимопроникновении культур удивляться уже ничему не приходилось.

– Сюда, – указал понятой на длинный двухэтажный дом с подъездами, едва видимый в ночи – тонюсенький серп нарождающегося месяца света практически не давал.

Поодадь, за деревьями, высились корпуса университета. Здесь жили преподаватели. Окошки не светились, все спали.

– Квартира один, первый этаж, дверь налево, – предупредил понятой.

Исполнявший роль возницы раболов Федул завернул телегу к крыльцу. Ратники надели шлемы и сделались похожими на ночной кошмар.

– Ёрш, под окна, Михан, стой у дверей, – распорядился Скворец.

Щавель спрыгнул на торцовый тротуар, поправил вытертую кожанку, которой снабдил Воля Петрович, взял с телеги портфель.

– Пошли, – бросил командир.

Группа в составе обозника, представителя городской стражи и понятых последовала за ним.

Скворец и за ним Михан упруго взлетели по ступенькам, скрылись в подъезде. На лестничной площадке был мрак, хоть глаз коли, Щавель чиркнул одолженной у Лузги зажигалкой, подсветил деревянную дверь с медной табличкой номера. Скворец забарабанил по ней кулаком.

Ждали. В темноте понятые переминались с ноги на ногу, участие в обыске было им в новинку. Только на повторный стук из квартиры донеслось какое-то шевеление и шлёпанье. Должно быть, хозяева проснулись и гадали, почудилось или нет. Скворец стукнул опять.

– Иду, иду! – крикнула женщина.

Лязгнуло железо о железо и послышался удар о косяк, должно быть, откинули крюк. В расширяющемся проёме зарделась разгорающаяся свечка. Огонёк озарил женское лицо, некогда, в молодости, милое, но никогда не бывшее красивым.

– Что случилось?

– Гиниятуллин Нурислам Ильясович здесь проживает? – казённым голосом осведомился Скворец.

– Да, а что...

– Тогда мы к вам, – бесцеремонно сдвинув хозяйку с дороги, ратник вторгся в прихожую, а за ним вся группа. – Михан, дверь на крюк. Охраняй.

Женщина опешила. Схватила обеими руками за подсвечник, прижала к груди, словно хотела опалить волосы.

– Нурислама Ильясовича позовите, – городской стражник чувствовал себя не в своей тарелке. – Будьте так любезны.

Он вежливо придержал хозяйку, когда она перешагивала через высокий порог на кухню.

Огромную кухню с обеденным залом разделяла пополам русская печь. Пахло потом, молоком, кошками, манной кашей, керосином и подопревшим тряпьем, отчего у Михана, сунувшего было нос следом за всеми, встал в горле ком и молодец вынырнул обратно в прихожую на дверной пост.

В дальней стене виднелись две створчатые двери в жилую половину. Одна створка была распахнута, в комнате копошились, там вдруг посветлело. Заскрежетало стекло о ржавую жёсть. В дверях показался толстенький мужик лет сорока, с головою гладко выбритый и чёрными усиками щёткой. На нём была диковинная полосатая пижама, в руках он держал облезлую керосиновую лампу с закопчённым стеклом. На кухне сразу стало светло. На стенах обнаружились зеленоватые бумажные обои в розовый цветочек, на стене жестяные китайские часы с гирьками – ходики. Картинки в рамках и детские рисунки над столом. Герань на подоконнике. Ситцевые занавесочки с кружевами. Застеленный китайской клеёнкой стол, сахарница и блюдечко с засохшей дрянью, на углу – разбросанные цветные карандаши.

«Кучеряво живёт басурманин, – подумал Щавель. – Керосин ему привозят прямо из Орды или тут всем профессорам так положено?»

– Гиниятуллин Нурислам Ильясович? – спросил он, выступая вперёд.

– Я Гиниятуллин, – мужик спросонья жмурил глазки, неясно ещё соображая, что происходит и на каком свете он находится, но огромная фигура омовца, с головы до ног облепленная тусклым блеском стали, до усов закрытая маской шлема, возникла у него на пути и понудила сбросить дрёму.

– Ты арестован, – известил Щавель.

Голос, от которого Нурислам Ильясовича через всё нутро будто ледяным колом пронзило, вверх задержанного в ступор. Секундой позже до него дошёл смысл, это было как обухом по голове. Профессор Гиниятуллин застыл посередь кухни соляным столпом, и всех его могучих мозгов хватило только, чтобы выдавить самое сокровенное, что никакой ветер перемен не может сдуть со дна человеческой натуры:

– Я?? За что?!?

На этот вопрос он, однако, не получил ответа.

– Оружие, предметы христианского культа, прочие запрещённые предметы есть? – привычно отбарабанил Скворец.

Басурманин не нашёлся, что ответить. Сейчас он переживал сокрушительный надлом судьбы, после которого жизнь осыпается градом в преисподнюю, а биография чётко делится на две части – до ареста и после.

Опомнилась хозяйка.

– Он ничего не делал. В чём его подозревают? – кинулась она к человеку с портфелем, обьявившему об аресте.

Раболов умело перехватил её на подходе, свёл локти за спину и зацеписто оттащил от командира.

– Его подозревают в антигосударственной деятельности, – Щавель положил портфель из кожи молодого бюрократа на кухонный стол, раскрыл, вынул бумагу, походную чернильницу, очиненное перо. – Разберёмся. Мы должны провести у вас обыск. Понятые, подойдите.

Дверь во вторую комнату приоткрылась. На пороге возникли ребяташки. Девочка лет семи, похожая на тощего бурундучка, и мальчик лет четырёх-пяти с квадратными щеками, который с любопытством рассматривал гостей чёрными глазищами.

– Посиди с детьми, – бросил хозяйке Щавель, и раболов немедленно подтолкнул её в спину, направив и ускорив, как ведут впервые на торг молодую невольницу.

Женщина увела детишек. Нурислам Ильясович всё ещё изображал светильник, ошалело переживая переход из обучающего состояния в арестантское, пока его не усадили рядом с человеком в кожаной тужурке. Лампу водрузили на стол.

– Вот постановление обвинителя, – придвинул к нему Щавель ордер на арест. – Вот постановление о проведении обыска.

– Меня... за что? – только и сумел исторгнуть Гиниятуллин.

Щавель оглядел кухню. Возле дверей на вешалке пылилась разная верхняя одежда, под нею стоял накрытый тряпьем сундучище, в котором должно быть хранилось немало всякого хлама. На скамье возле печки стояла корзинка с котятками, с печи сердито посверкивала зелёными блюдами отбежавшая кошка. Копаться здесь не хотелось.

– Ну что, с кабинета начнём, – ни к кому не обращаясь, молвил Щавель. – Света бы побольше. Мы свечи брали?

– Михан, – гаркнул Скворец. – Свечи давай.

Запалили свечи. Всем скопом переместились в спальню, она же кабинет. Длинная, широкая, у окна письменный стол с тумбами, шкаф с книгами, над кроватью ещё пара полок книг с часами и фарфоровыми слониками. Почти как у эльфов. Стали рыскать. В верхнем ящике стола Щавель обнаружил книгу, завернутую в зелёный шелковый платок. Развернул, раскрыл. Страницы были покрыты басурманскими закорючками.

– Не трогайте, – слабым голосом попросил Нурислам Ильясович. – Это Коран.

Щавель закрыл книгу. Коран был ему неинтересен.

Скворец сноровисто перевернул матрас, промял, инородных включений не обнаружил.

Стражник с Федулом тем временем вытаскивали из-под высокой кровати чемоданы и рундуки. Тряпье, продукты.

– Эта чего, боярин?

Раболов подтащил рыжий чемоданчик странного вида, покрытый железными лапками и металлическими финтифлюшками. Ручки у чемоданчика не было, вместо крышки откидывались борта с торцов. Находку угнездили на столе между Щавелем и басурманином. Щавель дёрнул за лапки, они отщёлкнулись, выпустили крючки. Распахнулся чемоданный зев, из недр выступила крашеная серым лаком стенка, а на ней чёрные круглые ручки, окошко за стеклом и маленькие резиновые кругляши.

– Какой-то девайс? – зачарованно прошептал Федул.

– Что скажешь? – спросил Щавель у хозяина квартиры.

Басурманин грустно посмотрел на него. Он уже начал оправляться после шока.

– Тут ещё, – Скворец подал небольшую брезентовую котомку.

Старый лучник вытащил за провода два резиновых круга, соединённых гибкой стальной дугой, и за провод потоньше металлическую коробочку с рычажком, снабжённым на конце латунной кнопкой.

– О, как!

– Учебное пособие по физике, – Нурислам Ильясович вздохнул. – Тащил на себе через всю Русь, но не пригодилось.

– Не пригодилось, говоришь? – Щавель дунул на крышку чемоданчика. – Пыли почти нет.

– Жена прибирается, – объяснил басурманин. – Очень она уборку любит, до веника и тряпки сама не своя.

– Лучевой антенны в комплекте нет, – заметил командир. – Жена, наверное, смела нена-роком?

– Проволока же, – слабо усмехнулся Гиниятуллин. – В хозяйстве пригодится.

– Наверное, хозяйственная жена проволоку на дерево закинула, – предположил Щавель. – По дурости бабьей. А снять не смогла? Если до рассвета подождать, мы эту проволоку сможем увидеть, так?

– Так, – подтвердил Нурислам Ильясович, начавший заметно оживать.

– Ищите как следует, – скомандовал Щавель. – Или сам остальное выдашь? – обратился он к басурманину и заверил: – На суде зачтётся.

Гиниятуллин отвернулся.

– Нечего мне выдавать, – буркнул он себе под ноги.

Щавель кинул тумблер в положение «ВКЛ», стрелка в окошечке прыгнула было вперёд, но вернулась к нижней отметке. Командир откинул заднюю крышку, вытащил пару чёрных коробочек с четырьмя железными винтами и двумя пробочками. Придвинул к лампе, осмотрел, понюхал, осторожно потряс.

– Аккумуляторы полны, щёлочь свежая. Давно, говоришь, на связь выходил?

– Вы не так поняли. Это какая-то ошибка, – злобно сказал Гиниятуллин, продолжая смотреть в пол.

– Основная ошибка, – Щавель говорил наставительно, как учитель тупому школяру, – на которой образованный класс претывается по жизни, это считать, что все вокруг дикари и ни в чём не смыслят.

Губы басурманина беззвучно шевелились. Должно быть, колдовал, чтобы обрести силы или отвести шмонщикам глаза от остального палева.

– Ищите, – подстегнул Щавель своих подручных. – Мы должны динамо-машину найти, ареометр и запасы химикалиев. Химикалии не нюхать, на язык не пробовать, пальцы в мешок не совать. Они едкие.

В доме закипел шмон. Увлечённый всеобщим куражом, Михан ринулся содействовать. Первое, что попало ему на глаза с поста в прихожей, была корзинка с котятами. Прилепил свечку на край скамьи, запустил руки в тёплое шевелящееся нутро. Котята запищали. Кошка-мама зашипела с печки. Михан сунул пальцы под подстилку с обеих сторон, будто выюнов ловил, и возле дна нащупал что-то твёрдое.

– Дядя Щавель!

Парень так потерялся от своей находки, что забыл и место в дружине, и субординацию. Да уж было не до того.

– Понятые, смотрите.

На стол лёг увесистый свёрток. В измазанную кошачьими выделениями плёнку был завернут плоский пистолет и запасной магазин, снаряженный маленькими патронами с бутылочной гильзой и остроносой пулей.

– Тоже учебное пособие? Чему студентов учишь? – Щавель повертел короткоствол возле керосиновой лампы, басурманин молчал. – Так и запишем в протокол: обнаружен пистолет ПСМ, номер...

Профессор Гиниятуллин вдруг с озлоблением плюнул на пол.

– А ведь предлагали тебе перед обыском добровольно сдать всё запретное, – назидательно проговорил Скворец. – Теперь хана тебе!

– Котят ещё за укрывательство арестуйте, – на пороге возникла остервенелая баба.

– Тебя за пособничество сейчас заберём, – ухмыльнулся Михан.

– Уведи её в комнату, – бросил Щавель и обратился к Нурисламу Ильясовичу, когда стремительно набирающий опыт молодец ловко вывел хозяйку. – От твоей откровенности зависит, останется жена на свободе и с детьми. Она ведь в самом деле пособница твоя и не скрывает этого. Чистосердечно во всём сознаешься, оставим бабу на воле. Будешь запираешься, придётся её забрать для дачи показаний, тогда ей колодки и тюрьма, а детишек соседям. Ты всё равно расколешься, на Централё все говорят, но нам времени понадобится больше, а палачу работы прибавится. Так что не томи.

В комнате повисла тишина. Ждали. Скрипели половицы под ногами Скворца, понятые затаили дыхание.

– В железа его! – приказал Щавель.

Раболов снял с пояса припасённый ошейник смирения, накинул на шею профессора, защёлкнул замок.

Проверенное средство действовало мгновенно. Почувствовав стальной гнёт обруча, басурманин начал сдвигаться, утрачивая волю и ярость, замещаемые безнадёгой и страхом.

– Я... всё скажу... что вам нужно, – по частям выплюнул Гиниятуллин. – Подпишу что скажете. Только не семью...

– Что скажем не надо. Нам правда нужна. Твоё полное признание, сделанное от чистого сердца на благо Руси и князя.

– Я во всём признаюсь, – слетели с губ покаянные речи.

Будучи правильно одетым, невольничий амулет давал пленнику «–100 %» морали и «+300 %» чувства вины.

* * *

Хотя профессор начал сотрудничать со следствием, показал, где хранит щёлочь, динамо-машину и преобразователь тока, а также обещал раскрыть приёмы шифрования, провозились

до самого рассвета. В предутренних сумерках Ёрш сорвал с дерева антенну. Арестованного усадили на тюремную телегу, куда стащили изъятое барахло.

– Ничего не надо. Там накормят. Там тепло, – увещевал стражник жену арестованного, дрожащими руками собиравшую нехитрые пожитки – смену белья, кусок мыла, полотенце, наспех найденную еду.

Гиниятуллин, переодевшийся по совету заботливого стражника в свитер и бесформенные, но прочные рабочие портки, обнимал пыльник, прикрывавший стянутые вязками кисти рук, и со стороны казалось, что мужчина на телеге просто держит плащ.

Чёрная телега тронулась. Баба заревела в голос.

– Соседи, – встрепенулся Михан.

– Хрен с ними, – сказал Ёрш. – Думаешь, не слышали? Мне с улицы понятно было, о чём у вас говорят, а соседям из-за стенки тем более. Они всю ночь сидели, как мыши, и дрожали, чтобы за ними не пришли. Чисто до кучи забрать, кто нас знает.

Ратник цинично засмеялся. Михан подумал, что ему придётся ещё много чему научиться в дружине.

– Вон оно как, – протянул он.

– Всасывай службу, – наставительно сказал Ёрш.

Двинулись за телегой, на которой теперь сидели только арестованный да возница-работов. Даже Щавель не хотел опускаться на невольничью повозку, а шагал рядом с понатыми, крепко сжимая портфель из кожи молодого бюрократа и пристально глядя вдаль.

– Простите, не знаю, как вас по имени.

Понятая робко тронула Щавеля за рукав, тут же рядом оказался Михан.

– С боярином разговариваешь, дура! – прошипел ей в ухо.

– Чего тебе? – равнодушно спросил Щавель, не оборачиваясь.

– Узнать хотела. Нам награда какая будет за соучастие? За участие... За помощь?

Её муж помалкивал и даже малость приотстал, будто сторонился после всего увиденного.

– Вашу помощь учтут. Вы записаны в протокол, – обнадежил её командир.

– Покорнейше благодарю, боярин, – зарделась учёная баба и куртуазно присела, скрестив ножки, низко голову наклоня, придерживая пальчиками края юбки на заграничный манер.

Они с мужем отстали и городской стражник с ними.

– Можете идти домой, – отпустил он понятых, видя, что дело кончено.

Интеллигенция истово заблагодарила. Муж присоединился вполне искренне. Стражник был свой, неприметно наводящий страх боярин удалился вперёд, а верноподданнический поступок остался за спиной. Совесть доцента Института растениеводства снова была чиста.

Глава восьмая, в которой Щавель хлебнул горя арестантского, а Жёлудь и Михан болтают как старые друзья

Возле шлюза Централа дожидался крытый фургон, крашенный голубой краской. На дощатом борту красовался пшеничный колос и косая аляповатая надпись «Хлеб». Раньше фургон развозил выпечку по вузовским столовкам, а потом отправился догнывать почему-то на тюремную конюшню, откуда его извлёк Карп, знавший толк в транспортировке невольников. Из крытого возка хрен соскочишь на рывок. В фургоне кто-то рыдал взахлёб, звеня цепью, причитая и как будто моля божество о спасении. Сам знатный работорговец стоял у комендатуры, поигрывая плёткой из человеческого волоса.

– Что они там, заснули! – буркнул он, когда подошёл Щавель.

– Мы радиста взяли, – старому лучнику хотелось спать, но ещё больше выпить, отметить невероятную удачу, подвалившую вместо ожидаемой рутины по реализации облыжного обвинения. – Передатчик, аккумуляторная, пистолет, всё как положено.

– Мы тоже пистолет нашли, – Карп сложил плётку, ткнул за пазуху, вытащил из кармана «Грач». – Вона. Муха не сидела. Как в Орде выдали, так и принёс. Ещё карты нашли, книжки какие-то странные по геоде... как её, по географии и картографии какой-то, провозились всю ночь. Три мешка одних только книжек. А ещё прибор на ножках с увеличительными трубками, «троглодит» называется. Целый ящик кренделей, линейек и коробку пыточного инструмента ювелирной работы из самой лучшей нержавеющей стали. Там такая есть приспособа, рогатка на винте, на ножках иголки. Раздвигашь сколько надо и в глаза – тырк! Извращенцы поганые, садисты. Понапридумывали, чтобы русский народ зверски мучить, да не просто, а с изобретательностью. На другие инструменты смотреть вовсе боязно. Щипчики с винтом волосы рвать. Да так сделано всё тонко, искусно. Каждой вещице в футляре особое место отведено, выемки проделаны, чтоб только туда поместились. Готовальня называется. Он, наверное, ихний дознаватель. В кипятке бы его сварить.

«Да тут целая разведывательная группа. Радист, картограф, – обмер Щавель, – командира бы ихнего найти. Ай да мы! По завистливому навету агентурную сеть вскрыли. Как светлейший будет рад. Жаль, сегодня поспать не удастся, надо ковать железо, пока горячо».

Ворота тюрьмы начали раскрываться. С вахты вышел Воля Петрович.

– Все в сборе, – начальник подёргал фуражку за козырёк, осаживая поближе к кустистым бровям. – Заждался вас. Думал уж не приедете.

Посреди колоды возникла горизонтальная трещина. Гражданин начальник улыбался.

* * *

Прежний план рушился, на его месте возникал новый. Пленных лазутчиков развели по разным камерам. Щавель засел в своём кабинете и погрузился в изучение протоколов обысков. Картина, открывшаяся пред ним, по масштабу и дерзости превосходила наглость ростовщика Недрищева и нахрапистость московских манагеров. Безумный старик Семестров готовил город к передаче Железной Орде.

Басурмане обустривались во Владимире семьями и вели подстрекательную работу семейным же порядком. Они привели из Орды образованных баб. Из них одна учила детей в школе татарскому языку, другая преподавала в Институте растениеводства, а третья – невиданное дело! – химию в Политехническом. Мужья не отставали от супружниц, ибо как сказано

в одном писании, муж да жена – ащкая сотона. В том же Политехническом басурманин учил молодёжь английскому языку, другой преподавал теорию паровых машин, а третий натаскивал отряды несогласных революционной наукой «сопротивление материалов». У него в доме нашли целую полку таких учебников. Теперь понятно стало, почему во Владимире полно бунтарей. Образованный класс был настолько подготовлен к оккупации, что городничий мог смело посылать гонца в Великий Муром, а то и в Белорецк. Большинству населения было угодно предаться в руки любого захватчика, лишь бы отпасть от Святой Руси.

«Девять басурман, – анализировал Щавель списки изъятого и доносы. – Как раз средняя численность диверсионно-разведывательной группы. ДээрГэ просочилась на Русь, осела в приграничном городе и послужила основой для формирования повстанческого отряда. Обзавелись приверженцами, учениками из числа замороженных русских, которые по убеждениям заделались лютее басурман. Осуществили вербовку ответственных лиц. На какие шиши Семестров купил в Муроме недвижимость? На золото Орды! Да тут всё протухло, одна тюрьма осталась верной опорой русского княжества».

Щавель вытянул из-за ворота ладанку, достал «Командирские». Было без десяти десять. За окном голубело небо, покрытое ватными комками, снизу их стесала крыша казармы. Щавель зевнул. Ночные события показались отрезанными ножом. словно невидимая граница пролегла между обыском и изучением результатов.

Нечасто встречаешь столь ощутимую границу нового дня.

– Перерыв, – сказал себе Щавель.

Он спустился этажом ниже, предъявил удостоверение сидевшему на лестничном посту цирику, прошёл в коридор тюремной администрации. Воля Петрович оказался на месте.

– У тебя есть где освежиться? – без лишних церемоний обратился к нему боярин.

Князев выбрался из-за стола, махнул приглашающе.

– Прошу.

За книжным шкафом оказалась невидимая от входа дверь. За ней была комната с окном, широким диваном с подушками и свёрнутым в ногах одеялом, шкафчиком, столиком и табуреткой. Справа от двери висел рукомошник.

– Мыло, полотенце чистое, – указал начальник тюрьмы. – Если хочешь, спи. Тебе не помешало бы.

Щавель потыкал в стержень умывальника. Брызгал в лицо водой, фыркал.

– Не сейчас, – сказал он, энергично растираясь полотенцем, чтобы согнать дремоту. – Надо много работать. Поскреби басурманина и найдёшь шпиона. Нельзя время терять. Сейчас будем брать секту железячников.

– Заклёпочников, – поправил Воля Петрович.

– Заклёпочников. Они сейчас к экзаменам готовятся, могут на консультацию прийти, а преподавателей нет. Слухи поползут. В бега подадутся, ищи их потом.

– Тоже верно, – не стал перечить Князев.

– Верно, – Щавель повесил полотенце на гвоздь. – Бунтарей бы ещё переловить. Развели тут хипстеров, менеджеров, с жиру бесятся. Москва какая-то. Ты куда смотрел?

– Моё дело тюрьма, так светлейший князь поставил. Не мне соваться в чужое, – резонно снял с себя ответственность высокопоставленный раб. – Городская движуха, она Декана Ивановича постанова. Он всем рулил, значит, так надо.

– Ты князю докладывал? Почему никто не доложил?

– Всегда так было, – отмазался Воля Петрович. – Когда меня только назначили, тут басурмане верхом гарцевали и рабсилу угоняли в полон. Светлейший князь их прогнал, а про вузовские дела только сами учёные испокон веку знали. У них закрытая коллегия. Не по чину мне туда.

– Когда из Орды учителей стали брать, ты тоже не знал?

– Всегда тут были, – удивился Воля Петрович.

– Они уже по-татарски говорить учат, – холодно известил Щавель. – Это язык врага! Когда ты говоришь на другом языке, у тебя и смысл слов меняется, ты думать начинаешь по-другому. А когда ты начинаешь думать как враг, это уже превращение.

– Татарскому учат, чтобы в Орду специалистов направлять. Агрономы, ветеринары наши там ценятся. Что-то ты усталый, боярин. Может, тебе того, остограммитесь?

Воля Петрович раскрыл шкафчик. В недрах блеснула посуда. Развернулся всем корпусом, демонстрируя прижатый к груди пузатый графин гладкого стекла.

– Весь день впереди, – замялся Щавель. – Впрочем... Что там у тебя?

– «Горе арестантское», – Воля Петрович шумно втянул носом воздух, словно смаковал исходящий от графина аромат. – Рекомендую. Первач, настоящий на слезах колодочников! Я всегда употребляю, когда надо дух нутряной силы ощутить. Зело служебного рвения прибавляет и опору под ногами крепит.

– Ну-ка, ну-ка, – Щавель редко встречал напитки Силы, а потому особенно их ценил.

Воля Петрович водрузил на стол графин, извлёк гранёную рюмку в виде перевёрнутого конуса на короткой ножке.

– Сам, что, не будешь?

– Уважил, боярин, – с признательностью отвечал раб.

На столе появилась ещё одна рюмка. Воля Петрович умело накатил с горкой.

– Тоже всю ночь не спал, – пожаловался он. – Вникаю в дела муниципалитета.

– Как там?

– С финансами порядок. Хорошо рулил городом Декан Иванович.

Щавель плавным движением подхватил рюмку и донёс до рта, не разлив.

– Ну, за работу!

– Будь здоров, боярин, – отвечал Князев.

Самогонка обожгла пищевод. Первач был ядрёный и оставлял во рту странное солоноватое послевкусие. В живот словно уголь кинули. Щавель выждал, выдохнул. В нос ударил сырой земляной смрад, какой чует узник в старом зиндане.

Воля Петрович крикнул, занюхал рукавом кителя.

– С разбойников слёзы набраны, – просипел, побурев ликом. Крепкая самогонка пробрала и его.

Щавель зачерпнул из кадки рядом с рукомойником. Хлебнул из ковша свежей водицы. Уголёк в желудке потух.

«Как всё запутано у вас тут, – подумал он. – До того с басурманами сработались, что не разобрать, кто свой, кто чужой. Орда у порога стоит, а в дом не идёт. Как будто и не надо. Как будто все здесь приятели».

– Как всё запущено у вас тут, – молвил он. – До того с басурманами срослись, что не разругать, кто свой, кто чужой. Враг у ворот стоит, а вы в ус не дуετε. Как будто так и надо. Как будто все здесь предатели.

Щавель замер как ромом поражённый.

– Забирает? – глазки Воли Петровича сделались, как у медведя, который с интересом присматривается к забредшему на его территорию путнику, прежде чем пугнуть.

«Это что было?» – обомлел Щавель. Прежде он с таким не сталкивался.

– Это что, было? – выговорил он.

– Настойка, – Князев начал прозревать недоброе. – Прими извинения, боярин. Как-то не так она на тебя действует. Мы её пьём и всё путём, а ты погнал по бездорожью. Приляг, отдохни.

Щавель, который уже боялся открыть рот, стащил сапоги, лёг на диван, подоткнул под голову подушки.

Воля Петрович заботливо развернул одеяло и накрыл командира. Одеяло было тонкое, на вате. Нижняя сторона оказалась из вырвиглазно-розового китайского атласа, верхняя же лоскутная, сшитая арестантским умельцем из самых причудливых лантухов, какие нашлись на тюрьме. Там были кусочки кителя, лоскутки серой эковской робы, проглядывала полосатая ткань одёжи строгого режима, почему-то вставили тёмно-синий в мелкий цветочек кусок платья, вероятно, напоминавший о знатной узнице, часть басурманского камуфляжа и пограничной тельняшки в зелёную полоску. В центре втачали алый ромб бубнового туза, выкроенный из дорогого кафтана, не исключено, что боярского. Козырное то было одеяло!

– Я буду в кабинете, никуда не уйду, – предупредил Князев, старающийся загладить нечаянную вину. – Если что, параша под умывальником.

Он быстро вышел. Половицы скрипели под каблуками особенно громко – напиток Силы подействовал на хозяина Централа, но иначе. Тихо прикрыл дверь, подтянул для плотности. Шаги за стеной проследовали к столу. Проехали по полу ножки кресла. Начальник звучно опустил чресла и глубоко вздохнул.

Щавель накрылся с головой козырным одеялом и почувствовал себя в вехобитском зиндане. От одеяла пахло карцером и могилой. Вынырнул обратно.

«День псу под хвост! – подумал он. – Железячники разбегутся же! Но перед личным составом показываться в таком виде нельзя. Угостил ты меня, Воля Петрович, гнида казематная, злой и нелепый сотрудник ГУФСИН, отравившийся чужой кровью. Квачом (может, сноску? Нельзя сноску, отвлекает.) тебе помойным из параша бы по рылу навернуть за такие дела, чтоб ты сам отнёс свой матрас на обиженку. Петух, на добре протух! Что это? Откуда оно у меня?»

Щавель замер. Его продрал озноб.

«Убивает меня это место, – ужаснулся он. – Я уже сам не свой. Надо срочно валить отсюда, но как? Я таким перед людьми показаться не могу. На больничку надо, там лепила поможет чем-нибудь».

Щавель сбросил одеяло, сел. Накинул портянки на голенища, сунул ноги в сапоги. В нутре нехорошо нарастало сырое и студёное. Поднялся, зашатался.

«А дальше смерть?» – предположил старый лучник. Его разом всего целиком прошиб холодный пот.

С трудом переставляя ноги, подошёл к умывальнику, зачерпнул воды из кадки, осушил полковша. Полегчало. Дёрнул дверь, ввалился в кабинет, цепляясь за притолоку. По оторопевшему лицу Воли Петровича определил, что дело худо.

– В санчасть тебе надо, боярин, – моментально сориентировался начальник тюрьмы. – Идём, провожу.

По коридору Щавель прошёл сам, но на лестнице его круто повело. Шатнулся, и Князев подхватил под руку. Хозяйский хват был такой, словно локоть зажало расщеплённым деревом. Через несколько шагов Щавель почувствовал, что ступает увереннее, словно ноги сделались из лучшего басурманского чугуна, они крепко придавливали ступени. От тюремщика исходила та самая нутряная сила, дух которой он обещал, предлагая «Горе арестантское», и действительно обрёл, но почему-то лишь сам.

На галерее больнички была открыта дверь всего одной камеры, где содержался Мотвил и смиренно выполняющий роль сиделки вольный лепила. Когда Щавель переступил порог, обитатели хаты повели себя по-разному. Альберт Калужский подорвался со шконки и шагнул навстречу, обеспокоено вглядываясь в нового пациента, а слепой шаман съёжился и, по мере приближения Щавеля, отодвигался по стеночке всё дальше, пока не сел на подушку, будто старый лучник толкал перед собой невидимый пузырь, выдавливающий чародея упругим боком.

– Что случилось? – встревожился целитель.

И прежде, чем Воля Петрович нашёл слова для объяснения, губы Щавеля разомкнулись и незнакомый голос, от которого кровь стыла в жилах, выкатил, как валуны, слова:

– Проклятый цирик отравил меня чумой.

* * *

Днём в казарме было не шумно. Те, кто не заступил в наряд на конюшню и в городское патрулирование, занимались по свободному распорядку, то есть приводили в порядок амуницию, спали, чифирили в углу. Жёлудь лежал на нарах и читал добытую на станции метро «Трубная» книгу «Новые приключения Маркса и Энгельса», водя пальцем по строчкам. Получалось только по слогам, лишь изредка проскальзывало гладко. «Я осилю, я научусь», – Жёлудь пыхтел и ажно взопреп от трудов умственных. Примером ему служила младшая сестрица Ёлочка, большая охотница до всякого чтива и особенно любовных романов, которой молодой лучник теперь изо всех сил старался подражать. Почему-то в нём крепла уверенность, что в походе ему пригодится умение читать и читать бегло.

Впрочем, книга была интересной. Вместо имени автора красовалась надпись «Выпуск 13», а изложение от главы к главе менялось, будто сочиняли разные люди, но калейдоскоп событий играл такими яркими красками, что палец едва поспевал за глазами, стремящимися узнать, куда чехарда приключений скакнёт дальше. Международные авантюристы Маркс и Энгельс, которых связывала крепкая мужская дружба, жили на съёмной квартире в Москве. Жильё в Доме на набережной сдавала строгая бабушка Крупская, наделённая всеми положительными качествами взамен красоты. Ведущим в их прайде был Маркс, обладающий высоким лбом, могучим умом и о котором было известно, что «вся сила Карла в бороде». Басурманин Энгельс играл пассивную роль, но, являясь сыном богатого уральского промышленника, спонсировал все лихие затеи парочки, по обыкновению направленные на спасение мира, сохранение коммерческой тайны крупной фирмы или обеспечение семейного счастья барышни с ресепшена. В книге имелось три повести. Тайну уже спасли, девушку Леночку выдали замуж, а сейчас отвязные друзья должны были найти загадочный Грааль и доставить в город. Едва Жёлудь добрался до волнующего момента, когда Маркс провозгласил: «На поиски легендарной страны Пендостана поплывём на галёрах!», как его отвлёк бесцеремонный Михан.

– Ищешь знакомые буквы, дуралей?

– Огня зажги, ты серешь, – привычно огрызнулся Жёлудь.

– Что ты там нашёл? Как минута свободная, сидишь, в книжку пальцем тычешь. Интересная? – присел возле ног Михан, должно быть, скучал.

– Интересная, – буркнул Жёлудь, которому не терпелось вернуться к книге. Издательство «Альвец&Перейра» своё дело знало.

– О чём?

– Всякая географическая кутерьма и приключения тела. Ты слышал о стране Пендостане? – Парень понял, что отвязаться от молодца не получится, и поднял голову.

– О Пиндостане? Это, наверное, где греки-пиндосы живут, Греция.

– Нет, это другой Пендостан, через «е».

– Опечатка, наверное, – предположил Михан.

– Нет. Пендостан – это легендарная страна чернокожих иудеев, говорящих по-испански. Она находится за морем-океаном, туда они плывут, – Жёлудь мечтательно вздохнул, закрыл, заложив пальцем, книгу.

– Кто? – жадно спросил Михан.

– Маркс и Энгельс. Грааль искать.

При мысли о дальних странствиях по морям взгляд Михана затуманился. Рука сама нащупала в кармане красный греческий платок.

– Ты бы поплыл в Пендостан? – спросил он.

– Только если по делу, как Маркс с Энгельсом, – мыслями Жёлудь был в книге. – Зря в тысяча девятьсот сорок пятом году пендосский сержант Эйб Фишман продал иудейской общине Нью-Йорка найденный в Берлине Грааль.

– Почему?

– Грааль принёс изобилие на Уолл-стрит, это привело к невиданному на Земле финансовому могуществу страны. Грааль давал империи в день дополнительно пять тысяч золотых монет. Это нарушило баланс, началась инфляция. Брокеры повели рискованную игру на бирже. На Уолл-стрит водилось два племени брокеров. У одного тотемом был медведь, у другого – бык. Они враждовали как плюс и минус.

– Не понял.

– Я сам не очень понял. Это надо читать, там интересно написано. Я тебе дам, когда закончу. В общем, брокеры надули мыльный пузырь, он лопнул и пострадал весь мир. Всё затряслось, устои закачались, опоры рухнули и пришёл Большой Пиндец. Теперь на руинах Пендостана лежит Грааль, который надо привезти в Москву.

– Зачем?

– Чтобы богатеть.

– Так ведь опять Пиндец придёт. Ты помнишь, что было с Берлином в сорок пятом, в школе учили?

– Так в книге написано! – возмутился парень. – Я, что ли, это придумал?

Михан сообразил, что хватил лишку. Придавил обложку, чтобы посмотреть рисунок. На обложке бородатый гигант разрывал руками пасть крылатому льву с хвостом скорпиона, за которым переживала прикованная цепями к стене пещеры девушка в бронелифчике. Силачу подсвечивал факелом мускулистый басурманин в кожаной безрукавке.

– Выпуск тринадцатый, – пробормотал Михан. – Много их, наверное, выпустили. Прикольно было бы в Москве жить, а?

– Ничего прикольного. Был я в этой Москве, – молодой лучник поглядел на стажёра с эльфийским высокомерием. – Дважды бывал. Если считать посёлок железнодорожников, то четырежды. Впечатление ниже плинтуса. Гнилое место, кругом москвичи. Теперь вообще там война. Нормальным людям нехрен в Москве делать.

Михан примолк. Насупился. По количеству боевых Жёлудь его обскакал.

– Читал книгу Никития Афанасьева-сына «Хождения под мухой»? – наконец спросил он.

– Нет.

– А-а, ну да, – глумливо протянул Михан. – Ты же читать не умеешь.

– Михан, ты сидишь и пердишь, на тебя не угодишь, – вспыхнул Жёлудь.

– Молчи, дурак, – окрысился Михан.

– Жёлудь и десятники, срочно зайти в канцелярию! – разнёсся по спальному расположению командный голос Литвина.

Глава девятая, в которой Щавель умирает, шаман Мотвил обретает силу и власть, дружину приводят в боевую готовность, и Жёлудь приносит себя в жертву

Щавель умирал, как подышают животные – просто лежал и ждал. Напрасно Альберт Калужский давал ему нюхать ароматическую соль. От неё засвербело в носу и малость прояснило голову, но силы всё равно таяли.

Когда ушёл Воля Петрович, насмотревшийся на безрезультатность лечения, Мотвил повеселел. Сел на шконке, скрестив ноги по-татарски, положил руки на колени и застыл как истукан. Растянутые до плеч мочки были пусты, из них вынули артефакты. Массивное лицо, украшенное затейливой татуировкой и шрамовым узором, волшебным образом воспринимало окружающую действительность наподобие запасного зрения. От него веяло нездешним жаром, плотным и нехорошим. Защитная аура держалась на оставшихся в теле камнях Силы. Тонкая повязка на глазах была чистой, на опалённой голове появилась розовая кожа. Лечение живым нутряным салом дало чудесный результат.

– Как мы себя чувствуем? – склонился над лучником Альберт Калужский. На лоб легла мягкая ладонь. – Ну, ничего-ничего, – огорчённо продолжил целитель. – Сейчас мы промывание сделаем.

Он вышел. Мотвил слегка наклонил голову, будто прислушивался к дыханию Щавеля.

– А ты, боярин, не боишься смерти, – обнаружил он сверхъестественную проницательность. – Ты давно как будто частично умер. На тебе лежит королевское проклятие. Скажи мне напоследок, тебе ведь уже всё равно, что ты натворил?

«Я убил Царевну-Птеродактиль, – подумал Щавель, мысли текли неторопливо. – Последний, с кем я разговариваю, мой раб. Вот оно, проклятие птеродактилей. Я умираю в тюрьме, и даже мой пленник взял надо мной верх».

– Я любил Царевну-Птеродактиль, – мёртвым голосом вымолвил он.

Мотвил аж дышать перестал. Прислушивался к чему-то ему одному доступному. Хмыкнул задумчиво и так гулко, будто мешок муки уронил на пол мельницы.

– Вот, значит, кто её уконтрапупил, – проговорил он и вновь надолго замолчал, но потом снова произнёс: – Расчленёнка в реакторном зале тоже твоих рук дело?

Щавель не ответил. Мотвилу и не требовалось.

– Как оно в мире складывается, – изрёк он, сопоставив и проанализировав. – Тесно же сплетаются пути-дорожки. То-то я думаю, откуда в тебе столько свойств и умений, если ты не шаман.

Сырость и хлад нарастали внутри, добираясь до сердца. «Скоро всё, – подумал Щавель. – Будет быстро. Что я умею?»

За два десятка ярких лет, прожитых по возвращении из Чернобыля, Щавель открыл в себе немало новых качеств, полученных от плоти и крови Царевны-Птеродактиль. Как-то само собой возникло понимание языка зверей. Не брали чары эльфов и людское колдовство, разное по воздуху и эфиру. Щавель практически не болел и не промахивался из лука. Наверняка, были и другие свойства, сказавшиеся на несчастном Жёлуде, которого Щавель особенно любил, чувствуя вину, хотя ценил менее старших сыновей. Старшие были дельными. Корень в отсутствие отца правил Тихвином. Орех командовал войском и охотился по лесам на разбойников, лахтарей и шюцкоровцев, когда последние – одни с востока, а другие с запада Ладоги – имели дерзость проникать в приграничные владения светлейшего князя ради учинения бес-

смысленных зверств. Только Жёлудя к государственному делу пристроить не получалось. Вначале Щавель надеялся, что бестолочь уйдёт с малолетством, но парень достиг девятнадцати годов и остался пригоден только для несения службы в нижнем чине. «Проклятие птеродактилей это монета, одна сторона которой из золота, другая из добра», – решил для себя он.

– Это редкая награда – понимать язык зверей, – шаман по-особому прислушивался к безмолвному собеседнику, и, хотя глядеть не мог, Щавель чувствовал на себе его пристальное внимание. – Ты догадываешься, боярин, что можешь становиться невидимым? Нет? А будь у тебя знаний побольше, ты мог бы летать. Не как птеродактиль и не как шаман, но мог овладеть умением полёта. Да что уж теперь. Тюрьма убьёт тебя. Она доест тебя изнутри, и ты разойдёшься, как сахар в воде. Это случится скоро. Ты перейдёшь в мир тонких материй, но не освободишься. Централ удержит тебя в своих стенах. Централ – это большая сила. Ты будешь скитаться по его галереям вечно.

Щавель недвижно лежал, слушая хохот шамана.

Тоска и отчаяние накрыли старого лучника.

– Вечно! – восторжествовал шаман, настроившийся на волну сокамерника и просекающий движения его души. – Плен тебе, а не вольный лес. Я научу Петровича, и здесь, на тюрьме, ты будешь служить хозяину, как шнырь!

На галёре прошлёпали подошвы. Альберт Калужский опустил на пол камеры ведро тёплой воды. Звякнула ручка.

– Орёшь, на продоле слышно, – укоризненно сказал он.

Мотвил заткнулся.

Целитель поставил у шконки напротив головы Щавеля таз. Залез в свой медицинский сидор, порылся. Достал мешочек соли. Высыпал в ведро.

– Сейчас желудок прочистим, – ободрил он пациента.

Щавель закрыл глаза.

* * *

– Что значит «плох», что значит «не пошла»? – разъярился Литвин, когда Воля Петрович доложил о чрезвычайном происшествии.

Разговор состоялся в канцелярии при закрытых дверях. Выслушав начальника тюрьмы и не получив внятного объяснения, сотник пригласил Карпа.

– Отравил командира, получается? – прогудел знатный работоторговец, глядя на провинившегося, как на раба, которому надо то ли плетей всыпать, то ли распать у дороги.

Сам же Воля Петрович в ум взять не мог, как это случилось. «Горе арестантское», редко употребляемое по причине трудности производства, раньше сбоев не давало. Князев любил пропустить по рюмашке с главкумом, когда требовалось разработать сложную комбинацию по бесконтактной добыче информации у важного заключённого или придумать стратегию усмирения бунта, который в целях личной выгоды замутили воры. Да мало ли проблем возникало с трудным контингентом? Для подобных целей составлял Воля Петрович из подручных ингредиентов чудодейственные напитки, в изготовлении которых был большой дока. А тут одно из самых простых и надёжных зелий дало сбой. Найти обоснование этому Князев не мог.

– Не отрав! Мы сами пьём! – в отсутствии свидетелей из числа нижестоящих Воля Петрович сбросил личину хозяина и предстал настоящим рабом. – Хотите забожусь на курочку-рябу? – Не дожидаясь ответа, он подскочил к окну и поклялся страшной тюремной клятвой, истово таращась на решётку: – По-московски падлой буду, по-ростовски сукой буду, трижды в рот меня имать, век свободы не видать! – Обернулся и, зацепив большим пальцем передний зуб, щёлкнул ногтем. – Не травил я Щавеля, зуб даю! Жопу ставлю, не травил!

Поскольку утверждение крепила лютая арестантская божба, Карп и Литвин поверили.

– Идём, покажешь, – Карп выставил пузо и почти выпихнул Князева из канцелярии. Так и вёл до больницы, подпирая брюхом, будто конвоировал.

В камере пахло рвотой, пол был мокрый. Альберт Калужский рылся в сидоре, Мотвил сидел на шконке, скрестив ноги, а Щавель лежал навзничь, накрытый докторской епанчёр. Выглядел он жутко.

– Ничего не помогает, – посетовал целитель. – Промывание сделал, укрепляющего давал, но без толку.

– Каково состояние? – осведомился Карп.

– Пульс нитевидный, дыхание неглубокое. Скоро агония. Позовите сына попрощаться.

Карп набычился, но в душе возрадовался.

«Если не тянуть, завтра похороним, послезавтра выступим, а запослезавтра будем пить вино в Великом Муроме, – смекнул караванщик. – А рабов я обратно-взад у Жёлудя укуплю по дешёвке. Парнишка лоховат, да и не до торга ему будет – горем убит».

Литвин окаменел лицом.

«Если командир умрёт, авторитет в отряде вернётся ко мне, с ним и любовь личного состава, и заслуженное признание, как раньше. Похороним Щавеля на кладбище имени князя Владимира с воинскими почестями, а послезавтра выступим в Муром. Лузгу с Жёлудем отправлю в Новгород, чтобы не отсвечивали. Подручным Щавеля в моём отряде делать нечего, обойдёмся без напоминаний. Заодно бы и доктора заменить. Сниму с должности и оставлю здесь как не справившегося, а в Муроме лучшего найду. В Муроме дневка, губернатор выделяет конвой, сразу двигаем на Арзамас, ловим рабов и домой».

Карп и Литвин переглянулись. Они поняли друг друга.

Воля Петрович стоял за их спинами и рюхал.

«Возглавить администрацию, стать полновластным хозяином города и бездарно всё просрать, – думал он. – Недаром говорят, чем выше взлетел, тем больнее падать. А уж так стремительно ухнуть вниз... Надо правильно составить рапорт князю, я столько лет служу без пролётов, может, и обойдётся. Или, пока не арестовали и не посадили на цепь, прямо с больницы пойти в кабинет, сесть за стол и застрелиться из табельного оружия? Избегну мучений и позора. Кто знает, чего от новгородцев ждать?» – Воле Петровичу не понравилось, как Литвин с Карпом переглянулись. Ну, как ОМОН разом повяжет городскую стражу на первом этаже казармы, захватит оружейную комнату Централа и займёт оборону по плану «Крепость»? Заблокируют наружные окна и двери, баррикадами из телег, мебели и нар объединят здания на внешнем дворе в комплекс «административный корпус-казарма-конюшня», после чего обстоятельно начнут собственное следствие с допросами и пытками всех сотрудников учреждения?

Князев разбирался в оперативных планах, прекрасно знал тактику ОМОН, видел, как работают ратники, и был убеждён, что для захвата Владимирского централа со стороны казармы семи десяткам витязей потребуется минут пять.

«Лучше было позволить Семестрову испросить подмоги в Великом Муроме, – закралась крамольная мысль. – Пришла бы сотня с огнестрелом и навела порядок, а дружинники отправились бы выполнять свою задачу. Как сложилось бы хорошо, и Щавель был бы жив, – на мгновение взор Воли Петровича прояснился, глаза приобрели фиалковый оттенок, но старый службист в нём призвал к порядку напуганную Яркую Личность и задавил ростки рукопожатности. – Будь что будет, – решил Князев, – а я продолжу выполнять свой долг до конца».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.